

ТАТЬЯНА Устинова

— первая среди лучших —

Миф об идеальном тужчине

Татьяна Устинова

Миф об идеальном мужчине

«ЭКСМО»

2002

Устинова Т. В.

Миф об идеальном мужчине / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2002

Вы верите в идеальных мужчин?! Сергей Мерцалов был именно таким – гениальный хирург, талантливый бизнесмен, любящий муж и отец, примерный сын... Но все это осталось в прошлом. Сергея нашли убитым в своем дворе, где он гулял с собакой. За Сергеем в последнее время кто-то следил. Впрочем, точно так же, как и за Клавой Ковалевой – бедной одинокой женщиной, бывшей детдомовкой. Но вот в ходе следствия всплывают весьма неприятные факты, миф об идеальном мужчине Сергее Мерцалове развеивается – помимо любимой семьи, у него есть женщина и внебрачный сын. Что же еще постыдное совершил убитый? И что за грешки водятся за детдомовкой Клавой, если ей по прихоти неизвестного палача жить оставалось всего несколько дней...

© Устинова Т. В., 2002

© Эксмо, 2002

Татьяна Витальевна Устинова

Миф об идеальном мужчине

*Святой Дунстан был славным малым,
Он за нос дьявола водил.
А тот вертелся, упирался
И оглушительно вопил.*

Английская народная песенка

Странную ему поручили работу.

Очень странную.

Нет, сама по себе работа была совершенно обыкновенной, он делал подобную много раз. Станным был «объект».

«Объектом» была высокая, костлявая и невыразительная девчушка, которая каждый день шмыгала на свою невыразительную работу и обратно. Изредка по дороге с работы она заходила в гастроном на «Речном вокзале» и покупала там какой-то тоже на редкость невыразительный набор продуктов. Банка дешевого растворимого кофе. Кочан капусты. Йогурты. Сыр. Палка копченой колбасы. Ну, это исключение, а не правило. Зарплату в тот день, наверное, получила.

Потом она топала домой, в облезлую «хрущевскую» пятиэтажку, где в одиночестве поедала все свои деликатесы, и с утра опять отправлялась в центр на работу.

Разве это «объект»?!

Кому она нужна, интересно? И зачем?

Такие мысли о клиентах развлекали его во время долгих часов нудного ожидания то на улице под деревом, вот как сейчас, то в машине, то в скверике, в компании местных гомосексуалистов, собиравшихся под вечер потолковать о своем, о девичьем, то на замусоренной детской площадке, откуда хорошо была видна подъездная дверь.

Может, она подпольная миллионерша? Или замаскированная бандитка? Или задолжала денег по глупости?

На какую бы то ни было, замаскированную или нет, бандитку похожа она не была совсем, на миллионершу тоже не тянула – кочан капусты и замороженная до деревянного состояния треска! – а деньги... кто же в здравом уме и твердой памяти даст ей денег?!

А вот кто-то же платит за нее, ведь он таскается за ней уже... да, все правильно, десять дней. И заказчик, похоже, никуда не спешит, почитывает себе отчеты – «аптека, гастроном, троллейбус, «хрущевка», метро, аптека...» – и всем доволен. Наблюдение продолжать.

Он продолжал бы, если бы было что продолжать, а так... не работа, а маета одна. Хотя платят, конечно...

– Прикурить не найдется? – неожиданно спросил у его локтя гулкий бас.

Он повернулся, ожидая увидеть великана средних лет, обладателя бочкового, как пиво, баса, а увидел хлипкого юнца лет четырнадцати, болтающегося всем жидким тельцем от переизбытка музыки в замызганных наушниках.

Ошибся. Не угадал.

Он достал пачку дешевых сигарет из правого кармана джинсовой куртки – в левом лежал «Парламент», приберегаемый для себя, – и поднес юнцу зажигалку. В знак благодарности юнец болтнул головой на тонкой шейке и пошел прочь, загребая кроссовками августовскую пыль. Ему стало смешно. Чего только не насмотришься на улицах, пока ведешь объект. Бывает, что передышки ждешь, как манны небесной, такие активные ребята попадают, а это что за объект? Недоразумение какое-то...

Ну, какая у нас сегодня программа?

Сегодня драная кошка работает во вторую смену. Приехала к двум, уедет в восемь. Гастроном отменяется – слишком поздно. Значит, программа такая – метро, троллейбус, «хрущевка».

В десять его сменят, и он наконец-то *поймет* пивка и хоть до завтра забудет об объекте. Интересно, когда заказчик собирается ее прикончить?

В том, что ее должны убить, он не сомневался.

Интуиция редко его подводила.

– Клава! – закричала начальница из коридора. – Ты еще не ушла?

– Нет! – откликнулась Клавдия. – Нужно что-нибудь, Варвара Алексеевна?

Заведующая появилась на пороге крошечной комнатки, в которой Клавдия собиралась домой. Заведующая была седая, бодрая, очень энергичная и сердитая.

– Ты сегодня с двух, я забыла? – полуутвердительно то ли спросила, то ли сказала заведующая. Вид у нее был отсутствующий.

– Да, Варвара Алексеевна, – четко, как в армии, отрапортовала Клавдия.

В восемь аптека закрывалась, весь персонал расходился по домам. Заведующая уходила, как правило, около шести, только сегодня что-то задержалась, полдня пробыв на каком-то большом совещании. – Ты завтра с утра?

– Да, – все так же четко проинформировала Клавдия. – Вы мне хотите что-то поручить?

Заведующая посмотрела наконец на нее. Для этого ей пришлось закинуть голову. Заведующая улыбнулась.

– Клава, я тебя прошу, – сказала она, улыбаясь, – завтра по дороге на работу купи, пожалуйста, веник. Там ведь у вас на «Речном» веники продают?

– Что купить? – не поняла Клавдия.

– Веник, – раздражаясь, повторила заведующая. – Знаешь, что это такое? Это такая штука, чтобы пол мести. Видала?

Клавдия улыбнулась:

– Видала.

– Купи, пожалуйста, – попросила заведующая, смягчаясь. – А то у нас в аптеке работают одни господа, они веник купить никак не могут. Сегодня я прошу уборщицу, а она мне отвечает: «Веники должен покупать завхоз». Ну а так как я и завхоз, и слесарь, и плотник, и маляр, то я это тебе поручаю. Мне завтра с утра с веником в аптекоуправление идти несподручно. А тебе прямая дорога на работу. Ну что? Купишь?

– Конечно! – с воодушевлением вскричала Клавдия. Даже, пожалуй, с излишним воодушевлением, потому что заведующая посмотрела на нее как-то подозрительно.

Клавдия обожала эту маленькую энергичную, очень непростую даму и для нее была готова на все, не то что на покупку какого-то там веника.

Она работала у нее уже лет восемь. Или даже больше. В этой аптеке она когда-то проходила институтскую практику и была совершенно твердо убеждена, что Варвара Алексеевна – это ее самая большая жизненная удача.

Она неустанно и ежедневно опекала Клавдию. Не то чтобы она выделяла Клавдию среди других сотрудниц – а работали в аптеке исключительно сотрудницы, сотрудник был всего один, древний дед Федор Иванович, чинивший задвижки на окнах и дверях и отлетающие от столов ручки, – но все же относилась к ней как-то по-другому. Наверное, жалела, но жалела действительно и необидно.

Все в аптеке знали, что Клавдия Ковалева – детдомовский ребенок с «трудной судьбой».

Ух, как Клавдия ненавидела это выражение, как будто судьба могла быть легкой! Она очень не любила, когда ей напоминали о ее судьбе, и была совершенно убеждена, что у нее как

раз все сложилось просто отлично. Немногие, выбиравшиеся вместе с ней с самого дна, могли похвастаться тем же. И кажется, одна Варвара Алексеевна понимала ее стремление ни о чем не вспоминать, ничего не рассказывать и ничем ни с кем не делиться.

– Подожди, я тебе денег дам, – сказала заведующая, поворачиваясь, чтобы идти. – Ведь нету небось денег-то?

У Клавдии и вправду было мало денег, но на покупку веника у «Речного вокзала» должно было хватить.

Стремясь избавить Варвару Алексеевну от любой минуты лишнего беспокойства, Клавдия принялась уверять, что у нее полно денег.

– Ладно-ладно, – сказала заведующая, удаляясь в сторону своего кабинета, – на те, которых у тебя полно, купишь себе булку к завтраку. А на веник я дам...

Клавдия преданно потрусила за заведующей через уже пустой торговый зал к новенькой белой дверце иностранного производства с изящной и не оскорбляющей глаз табличкой, тоже иностранного производства, «Только для персонала». После ремонта внутренние помещения старого особняка стали походить на декорации для съемок сериала «Дежурная аптека», так все было чистенько, приветливо, бело и свежо, и Клавдии это очень нравилось. Она любила свою аптеку.

– Так, вот тебе пятьдесят рублей, – сказала заведующая, доставая из кошелька аппетитную бумажку. Для Клавдии это было целое состояние.

– Зачем так много? – удивилась она.

– А ты думаешь, веник меньше стоит? – усомнилась заведующая. – Ну, если останется, купишь два, чтобы потом еще раз не ездить, а если на два не хватит, купи тогда какого-нибудь порошка, которым накипь оттирают. На наши чайники страшно смотреть, как будто здесь не женщины работают, а бомжи...

– Хорошо, – запоминая, чтобы исполнить все в точности и – не дай бог! – не ошибиться, кивнула Клавдия.

– Иди, Клаша, – рассеянно сказала заведующая, уже изучая на своем столе какие-то бумаги. Очки у нее были сдвинуты на кончик носа. – Что-то мы сегодня поздно засиделись. Закрываться, наверное, уже пора.

Как хороший капитан, Варвара Алексеевна бдительно контролировала все службы вверенного ей судна – от машинного отделения и до камбуза, от отдела готовых форм и до уборщицы Тани, которая уже лет тридцать была малость не в себе и потихоньку таскала у бесшабашных практиканток медные деньги и помаду.

Клавдию восхищала ее капитанская хватка, и способность помнить обо всех мелочах, и умение вести свое судно, обходя мели и банки – идиотские приказы Минздрава, по три на каждой неделе, исключаящие друг друга, внезапные визиты проверяльщиков из всевозможных инстанций, от аптекоуправления и до пожарной охраны, истеричных покупателей, требующих, как правило, невозможного, например, чтобы дорогие импортные препараты выдавались бы желающим даром.

«Когда-нибудь, – мечтала Клавдия, – я тоже буду такой, как она, – сильной, справедливой, язвительной, уверенной в себе, все понимающей и очень профессиональной. И меня тоже будут награждать грамотами, и моя аптека тоже будет лучшей в округе...»

Мечтая, Клавдия сняла хрустящий крахмалом халат – стараниями Варвары Алексеевны такие «профессорские» халаты были у всей аптеки, замызганных и серых она страсть как не любила, – и нацепила джинсовую юбку и маечку. В последние августовские дни в Москве было жарко и сухо, как в Крыму.

– До свидания! – попрощалась она с Лидой и Таней, которые перекладывали что-то из одной сумки в другую в дальнем конце коридора. – До завтра.

– Пока, – отозвались они в один голос, и Клавдия потопала с высокого крылечка прямо в раскаленное асфальтовое марево, не остывавшее даже вечером.

Занятая своими мыслями, она, конечно, не заметила парня, кутившего на скамеечке под чахлой желтеющей липой. Парень проводил ее глазами, далеко отшвырнул окурки и, выждав некоторое время, двинулся следом за ней к метро «Маяковская». Маршрут был ему хорошо известен.

Клавдия поставила на плиту картошку и огляделась. Ужин был почти готов, и больше на кухне нечего было делать. Кухню она содержала в аптечной стерильной чистоте, как и единственную комнатку своей квартиры, которую несколько лет назад выхлопотала для нее благотельница – Варвара Алексеевна. Если бы не она, Клавдия, наверное, до конца жизни прожила бы в общежитии на окраине, где бесконечно пили и дрались, лезли в окна и ломались в двери, где маялись глупые девчонки, приехавшие, чтобы «покорить Москву», да так и завязавшие в общежитиях и на убогих, тяжелых, скучных работах, на которые не соглашались идти избалованные столичные жители.

У Клавдии от того времени остались трудные воспоминания.

Чайник приятно зашумел рядом с кипящей картошкой. Есть хотелось ужасно.

Клавдия старалась экономить и редко обедала в аптеке, где все ели «Докторскую» колбасу или хорошенючие тоненькие сосисочки из колбасного магазина на Тверской, до которого было два шага. На сосисочки и колбасу у нее не было денег, а хрустеть, как заяц, надоевшим капустным салатом ей было почему-то неловко. Иногда Варвара Алексеевна сажала ее обедать с собой, как подозревала Клавдия, специально, чтобы подкормить, но есть ее еду Клавдия стеснялась еще больше, чем капустного салата.

– Ешь! – приказывала управляющая строго.

– Нет, спасибо, – отказывалась Клавдия и улыбалась лучезарной фальшивой улыбкой. – Я на работе никогда есть не хочу.

– Смотри ты! – удивлялась заведующая. – А у меня в животе все трясется, если я вовремя не поем.

У Клавдии в животе тоже все тряслось, но у нее были свои понятия о том, что можно и что нельзя себе позволить.

К кофе у нее сегодня был кусок торта, сэкономленный от дня рождения заместительницы Галины Васильевны. Клавдия не съела его вместе со всеми потому, что после трех в аптеке начиналось самое горячее время и она никак не могла отойти от прилавка. На чаепитие она не попала, но торт ей достался, и она привезла его домой, как законную добычу, ревностно следя, чтобы его не раздавили в метро.

И телевизор у нее был шикарный – с дистанционным управлением с торжественно-скромной надписью «Sony» под плоским экраном. Телевизор ей подарили на тридцатилетие, и это был необыкновенный, невиданный подарок. Даже заведующей никто не дарил никаких телевизоров, и Клавдия подозревала, что Варвара Алексеевна заплатила большую часть денег из собственного кармана.

Телевизор Клавдия обожала и называла его Сеня. Он был ее друг. Пока Сеня не появился, ей было очень грустно по вечерам.

Она встрепенулась и принялась. Судя по всему, картошка была уже готова. Клавдия положила себе в тарелку две большие картофелины, исходившие сытным духом, и с тоской покосилась на капусту. Эта капуста надоела ей ужасно, но приходилось есть, потому что это были как бы витамины, которые она не могла себе позволить употреблять в виде клубники и апельсинов.

Ничего, бодро решила она. Один день без капустных витаминов не приведет ни к каким разрушительным последствиям. Отдохну немножко, не заяц же я в самом деле...

Клавдия включила Сеню и уселась за крошечный шаткий столик, приобретенный еще в институте и символизирующий собой стремление к красивой жизни. Такие столики в те времена часто показывали в кино. Кроме того, в ее общажную комнатку другой стол просто не вошел бы.

Стремление к красивой жизни осталось в безвозвратно ушедшем прошлом, а столик до сих пор с ней, и она каждый день за ним ужинает, пригласив в компанию Сеню.

Развеселый ведущий программы «Поле чудес» что-то радостно орал до невозможности смущенным участникам, которые никак не могли угадать русского писателя, в фамилии которого присутствовали буквы «...у...ин». Участники пыжились, шевелили лбами, грозно нахмуривались, но таинственная фамилия была сильнее их и никак не давалась.

– Пушкин, – подсказала Клавдия, с наслаждением откусывая от картофелины.

Бравый пожилой участник доковылял до сектора «Приз» и теперь жаждал получить причитающееся ему вознаграждение. Ведущий препирался и заигрывал, предлагая несметные богатства в обмен на неизвестный приз. Участник терялся и в глубокой тоске водил взором по рядам зрителей, надеясь, что кто-нибудь подскажет ему, как не продешевить. Наконец утюг был благополучно выдан, и игра понеслась дальше. Фамилия так и оставалась неразгаданной.

– Букин, – снова подсказала Клавдия, принимаясь за вторую картофелину. – Тукин, Мукин, Хрюкин.

Ей было очень весело.

В конце концов участники не без помощи хорошо осведомленного ведущего выяснили, что русского писателя звали не Пушкин и не Хрюкин, а все же Бунин, и началась волынка с обменом всех выигранных сокровищ на еще более несметные, маячившие в суперигре. Клавдия доела картошку, по детдомовской привычке, с которой она боролась уже лет пятнадцать, вылизала тарелку, и тут зазвонил телефон.

– Да? – сказала она с вопросительной интонацией, пристраивая тарелку на шаткий столик.

– Капусту хрумкаешь? – спросила трубка без предисловий. – Или уже того, схрумкала? Клавдия засмеялась.

– Привет, Танюш, – сказала она весело. – Я сегодня решила капусту не есть. Надоела.

– Неужели? – удивилась трубка. – Ты же образцово-показательный кролик Роджер. Тебе не может надоесть капуста. Страсть к капусте у тебя в крови.

– Может, у меня в крови страсть к осетрине горячего копчения, и я вовсе не кролик Роджер, – продолжала веселиться Клавдия. – Может, ты все эти годы во мне ошибалась. А?

Таня Ларионова, которую Клавдия так и не могла представить себе Павловой, хотя она была Павлова уже лет семь, была самой лучшей ее подругой.

Они познакомились в незапамятные времена на картошке под Зарайском, куда вывезли одновременно два института – совершенно мужской физико-технический, где училась Таня, и совершенно женский фармацевтический, где училась Клавдия. Кавалерами они тогда так и не обзавелись, зато на всю оставшуюся жизнь обрели друг друга.

– Как дела? – спросили они одновременно и засмеялись.

– Нормально, – сказала Таня. – Павлов с утра до ночи на работе, зато обещает, что в октябре поедет в отпуск аж на две недели. У нас тоже что-то работы стало полно, я приезжаю домой и падаю. А ты?

Таня работала помощником какого-то крупного банковского начальника, хорошо зарабатывала и все время тряслась, опасаясь, что ее уволят или сократят.

– Я не падаю, – сказала Клавдия. – У нас все как всегда. Осенью работы будет больше. Сама понимаешь, пойдут всякие гриппы и простуды.

– Ой, ну их к дьяволу! – энергично перебила Танька. – Я все эти зимне-осенние штучки, вроде снега и гриппа, ненавижу. Какие у тебя планы на выходные?

– Какие у меня могут быть планы? – вдруг рассердилась Клавдия. – Ты же знаешь, что никаких. Ну, полы помою. Может, постираю, хотя пока нечего. Ты что, не знаешь моих планов, Танька?!

– Откуда я знаю, может, ты на свидание собираешься, – сказала Таня легкомысленно. – А если не собираешься, приезжай к нам на дачу. Мама специально сегодня звонила, напоминала, чтобы я тебя пригласила. Хочешь, мы с Павловым в субботу с утра за тобой заедем?

Это было роскошное предложение.

Танины родители зимой и летом жили на даче в Отрадном, и поехать к ним было не просто удовольствием, а редким счастьем.

Клавдия всегда опасалась быть в тягость и редко пользовалась гостеприимством Таниных родителей. В конце концов у них была большая семья, двое взрослых детей – Таня и Танин брат, милицкий майор, – зять, невестка, родители невестки и зятя, которые тоже регулярно приглашались на дачу...

– Ты чего молчишь, Ковалева? – насторожилась в трубке Таня. – Не хочешь? Или у тебя и в самом деле свидание?

– Нет у меня никакого свидания! – даже возмутилась Клавдия. – Просто я думаю, удобно это или нет...

– Неудобно спать на потолке, – сказала Танька, не страдавшая никакими комплексами. – Ты же знаешь родителей, они бы тебя не звали, если бы не могли принять. Кроме того, они тебя обожают и обижаются, что ты к ним не едешь. Я им говорю, конечно, что ты натура тонкая и не можешь, как все нормальные люди, сказать «спасибо» и успокоиться... Ну что? Мы заедем?

– Да я и сама могу добраться, – пробормотала Клавдия. – На электричке ехать всего ничего...

– Особенно в субботу утром, – подхватила Таня. – Ты в субботу утром в каком-нибудь дачном направлении выезжала, Клавка? Или нет?

– Нет, – призналась Клавдия.

– И не надо, – уверила ее Таня. – Так что мы заедем. Только мы рано ездим. Не в одиннадцать.

– А во сколько?

– В девять, – усмехнувшись, сказала Таня. – Если только мне удастся растолкать Павлова. Он считает, что по выходным вставать нужно самое раннее в двенадцать. А лучше в два.

– Заезжайте! – решила наконец Клавдия. – Спасибо. Я так давно у ваших не была, соскучилась ужасно... Я так рада, что они меня не забывают.

– Ты просто незабываема, Клавка! – провозгласила Таня, и они попрощались.

Клавдия сполоснула тарелку и налила себе в кружку растворимого кофе.

Вечер неожиданно оказался просто изумительным – в субботу она поедет в гости, в дом, который очень любила, а к кофе у нее есть сэкономленный торт.

Человек, о существовании которого она не подозревала, в этот момент сдавал вахту своему напарнику. Неприметные «Жигули», в которых происходила смена караула, затерялись в ряду машин, мирно дремавших во дворе. Если бы Клавдия выглянула в окно, то непременно увидела бы их и, конечно, не обратила бы никакого внимания.

– Ну что? – спросил напарник, щелкая зажигалкой.

– Все как всегда – аптека, метро, теперь дома сидит. Ты долго будешь ее караулить?

– Часов до одиннадцати, – зевнул напарник. – Потом поеду. И кому она сдалась, эта аптекарша, и за каким чертом? Чего ее сторожить? Ладно, валяй езжай! Она тебе небось за целый день хуже горькой редьки надоела...

Кто-то настойчиво и не переставая долбил ему в череп чем-то острым и тонким. Он пытался спрятаться, уползти от этой долбежки, но она настигала его там, где он прятался. Со

стоном он обхватил голову, чтобы спасти ее от того острого и тонкого, что в нее долбило. Что-то со звоном упало и рассыпалось то ли внутри головы, то ли снаружи, и он наконец проснулся.

Звонил телефон, черт бы его побрал. И в этом было все дело.

Никто не бил его по голове. Просто звонил телефон.

Пошарив рукой, он снял визжащий, как поросенок, аппарат с журнального столика, придвинутого вплотную к дивану, и волочащийся шнур снес по дороге что-то еще, кроме того, что он уже свалил, пытаясь защититься от настырного, бьющего в уши звука.

– Але, – сказал он хриплым голосом пропойцы и неудачника. – Але!

Он был уверен, что звонят с работы. И ошибался.

– Андрюша, – деловито произнесла ему в ухо бывшая жена, – ты что, спишь?

– Нет, – сказал он, морщась и не открывая глаз. Голова болела ужасно, и во рту было сухо. С чего это он вчера так перебрал?

– А что ты делаешь? – удивилась бывшая жена совершенно искренне.

– Пишу диссертацию, – ответил он, пытаясь так приладить к подушке голову, чтобы с ее помощью можно было хотя бы разговаривать. – О жизни и размножении карибских попугаев в неволе.

Последовала выразительная пауза. Он был бы счастлив, если бы она продолжалась час, а еще лучше – до вечера.

– Ты шутишь, – обиженно протянула бывшая жена. И уточнила: – Ты ведь шутишь, да?

Черт ее знает, вроде она никогда не была тупой. Но всю жизнь они разговаривали, как глухой со слепым. Или как гусь со свиньей. Нет, это другое... Гусь свинье не товарищ, вот как. Интересно, кто из них свинья?

– Андрюша! – подбодрила бывшая жена, побуждая его высказываться более четко.

– А? – спросил он и потер затылок, в который теперь ломился курьерский поезд, причем с внутренней стороны. – Нет, я не шучу. Я никогда не шучу. У меня отсутствует чувство юмора. – Он помолчал и добавил: – Как таковое.

«Как таковое» – это было ее выражение, и он как будто увидел бывшую жену рядом с собой.

Это зрелище оптимизма ему не добавило.

«Как таковая, моя работа тебя совершенно не интересует... У тебя отсутствует чувство долга, как таковое... Как таковые, общечеловеческие ценности для тебя ничего не значат...»

– Андрюша, – сказала бывшая жена с хорошо прочувствованной интонацией, – я все понимаю. Ты до сих пор не можешь простить мне, что я от тебя ушла. Но мы цивилизованные люди и должны все же оставаться в рамках цивилизованных отношений...

– С чего ты взяла? – спросил он вяло.

– Что? – не поняла она.

– Что я не могу тебе что-то там такое простить?... – выговорил он с трудом, потому что язык цеплялся за сухое небо и мешал ему блеснуть красноречием.

Не стоило этого говорить. Совсем не стоило.

Зачем он задает ей дурацкие вопросы? Не иначе как от вчерашнего перепоя у него помутился разум.

Как это говорят у них на работе? Снесло крышу, вот как. И еще – чердак потек.

Да, совершенно верно: от вчерашнего перепоя у него потек чердак.

Теперь жена в трубке объясняла ему, почему он так и не смог простить ей уход от него. На эту тему она могла рассуждать часами. Хорошо еще, что в трубке, а не у него в кровати.

– Ты ничего не понял, Андрей, – мягко утешала она, как будто он был подросток в переходном возрасте, который на глазах у всего класса не смог сделать «подъем – переворот». – Мы разошлись вовсе не потому, что я считала или считаю тебя недостойным. Твоя жизненная позиция заслуживает уважения, но ты заблуждаешься, думая, что всю жизнь сможешь прожить

так, как живешь сейчас. Я не могла с этим смириться, я хотела большего, и ты прекрасно об этом знал...

Андрей осторожно вернул трубку на телефон, а телефон на журнальный столик. Зная бывшую жену, он был уверен, что через секунду она позвонит снова. Может, вообще сегодня к телефону не подходить?

Придерживая руками голову, чтобы не отвалилась по дороге, он побрел в ванную. Звонок настиг его уже у дверей, и он длинно содрогнулся, как от первого удара плетью по голой спине.

Ни за что не подойду. Хоть ты пополам разорвись от звона. Не подойду. Он закрыл за собой дверь, и неистовые телефонные трели отдалились и сразу стали как будто совсем неважными.

Андрей неизвестно зачем глянул на себя в зеркало, скривился от отвращения и полез в облупившуюся ванну. Горячую воду дали только на прошлой неделе. Жильцы продержались на холодном пайке лишних десять дней. Все премии за экономию добывают, с вялой ленивой злобой подумал Андрей про ЖЭК. Конечно, поди проживи на зарплату рядового жэковца...

Это было смешно, и он улыбнулся, с наслаждением глотая попавшую в рот воду. Он злился вовсе не на махинации с водой, к которым все давно привыкли, а на себя за то, что вчера так надрался, а сегодня день начался со звонка жены. Бывшей.

Пока он трусливо отсиживался в ванной, телефон все разрывался от звона. Потом наступил короткий перерыв, во время которого Андрей побрился.

Теперь хорошо было бы что-нибудь съесть, но даже думать о запахе еды было страшно. Нет, нужно поест, ему ведь сегодня за город ехать...

Хмуро глянув на телефон у разгромленного дивана, он пошел в кухню и плюхнул на плиту чайник. На этом силы иссякли окончательно, и Андрей в изнеможении присел на табуретку у холодильника. Кажется, где-то была минеральная вода...

Хорошо, что вчера пили не у него, а то пришлось бы еще заниматься уборкой. От этой мысли его едва не стошнило.

Телефон опять зазвонил. Андрей замысловато выматерился и, выразив таким образом свое отношение к жизни, снял трубку в кухне.

Конечно, решение вовсе не подходить к телефону было очень правильным и даже некоторым образом героическим, но совершенно неосуществимым. В конце концов ему могли позвонить с работы.

– Да! – сказал он. От холодной минеральной воды к нему неожиданно вернулся голос.

– Андрюша, что случилось? – с тревогой спросила жена. – Так неожиданно все разъединилось, и я уже полчаса не могу до тебя дозвониться.

– Я был в сортире, – объявил он, зная, что ее тонкая натура не может выносить подобных натуралистических подробностей. – Мне неожиданно срочно понадобилось в сортир.

Жена поперхнулась какой-то почти вылепленной фразой, и Андрей был вознагражден несколькими секундами приятного молчания.

– Ты грубишь, Андрюша, – наконец печально констатировала она. – Что с тобой происходит в последнее время? Ты уверен, что с тобой все в порядке?

Он вовсе не был уверен, что с ним все в порядке. Какой может быть порядок после такого перепоя?!

– Жанна, ты чего хотела? – спросил он, чувствуя, как минеральная вода льется в воспаленный желудок и, кажется, даже что-то там успокаивает. – Поговорить?

– Поговорить нам давно необходимо, – подтвердила жена с профессиональной интонацией. Она была психотерапевтом, с точки зрения Андрея, очень плохим. – Но я звоню не за этим.

– А зачем? – спросил Андрей. Чайник закипел, и, дотянувшись, он его выключил.

– Ты помнишь Иру Мерцалову? – спросила жена, и это было так неожиданно, что Андрей разлепил глаза и уставился на обои в наивный цветочек, которыми была оклеена кухня.

– Кого? – переспросил он осторожно. У него была профессиональная память на фамилии и лица, и что-то такое он действительно вспоминал, но ему требовалось подтверждение.

– Ах, господи, Ира Мерцалова, моя хорошая знакомая, – затараторила жена. – Мы вместе работали когда-то, я тебе про нее много рассказывала. Вечно ты ничего обо мне не помнишь! – пожаловалась она по ходу пьесы. – Ну, у нее еще такой потрясающий муж, Сережа, ну я тебе говорила....

– Ты говорила, но я их никогда в жизни не видел, – перебил Андрей, морщась от ее возбужденного стрекотания у себя в ухе. – Что нужно-то?

– Они оба врачи. Сережа – известнейший хирург, а она детский психолог. Ну, вспомнил? Он давно все вспомнил, но предпочел промолчать.

– Ира мне вчера позвонила и была очень встревожена...

Почему он раньше никогда не замечал, что его жена говорит такими невозможно длинными, казенными фразами?..

– Сереже с недавних пор кажется, что за ним кто-то следит...

– Стоп, – перебил Андрей. – Все ясно. Когда кажется, креститься нужно. Это единственное, что я могу посоветовать твоим хорошим друзьям Ире и Сереже. Это понятно?

– Ты грубишь потому, что не уверен в себе, – радостно сообщила бывшая жена. – Ты даже не дослушал до конца. Сережа – очень, о-очень известный врач. С мировым именем. Ирочка позвонила именно мне потому, что не знала, что мы с тобой развелись. Она просила помочь... – По голосу жены Андрей чувствовал, как она горда тем, что Ирочка вместе со своим знаменитым мужем именно к ней обратились за помощью. – Сережа ничего не выдумывает, поверь мне. Ира говорит, что он расстроен и даже стал плохо спать.

– Выпиши ему снотворное, – сказал Андрей грубо.

– Андрюша! – воскликнула бывшая жена укоризненно. – Снотворное тут ни при чем. Ты должен им помочь.

– Я?! – поразился Андрей. – Чем?!

– Ты должен разобраться в ситуации, – твердо сказала бывшая жена. – Поговорить с ним, выяснить, кто за ним следит и почему. Правоохранительные органы призваны защищать спокойствие граждан, разве не так?

Он помолчал, стараясь взять себя в руки.

– Правоохранительные органы в моем лице, – сказал он наконец очень спокойно, – в данный момент заняты убийством бизнесмена Мурова. Читала? Его нашли на МКАДе с простреленной башкой. А вчера те же органы и в моем же лице взяли одного мудака, который накануне двух девчушек изнасиловал и убил. Девчушкам было семь и девять. Мудаку – семнадцать. Мне недосуг заниматься фантазиями каких-то болванов с мировым именем. Это понятно?

– Андрюша, – начала жена, но он перебил. Тон у него был такой, что она моментально поняла – дальше продолжать не нужно, иначе дело кончится плохо.

– Я не хочу больше это обсуждать и не буду. Я не занимаюсь проверкой ничьих глубоких переживаний. Я расследую убийства. Если твои друзья могут это себе позволить, пусть наймут частного сыщика или телохранителя. Все остальное не ко мне. Телефоны частных сыскных контор вполне легальны и доступны. Чтоб ты не переживала, я могу дать тебе слово офицера, что у меня нет ни одного знакомого в подобной конторе. – Он врал для того, чтобы жена от него наконец отвязалась. – Зря ты все утро угробила на телефон. Спала бы лучше.

– Андрей, я от тебя такого не ожидала, – отчеканила жена. – Даже для тебя это слишком.

– Ожидала, ожидала, – сказал Андрей. – И звонила-то просто так, для проверки. Я же знаю. Чтобы потом с этой Ирой обсудить, какая я сволочь. Верно?

– До свидания, – попрощалась жена холодно и повесила трубку.

Почему-то после разговора с ней ему стало еще противней, чем было.

Что не так?

Вроде все правильно. Он не частный детектив, готовый взяться за любую оплаченную работу, даже если у клиента паранойя или мания преследования. Конечно, он – «правоохранительные органы», ну и что из того? Кому-то что-то кажется, или не кажется, а мерещится, или не мерещится, а снится... Может быть все, что угодно – от ревнивого мужа, подозревающего богатенького и удачливого доктора, и до любимой супруги, тоже что-то подозревающей. А может, у них просто помутнение разума, как у него самого с утра...

Андрей заставил себя подняться с табуретки и заварил чай.

Может, бутерброд съесть?

И еще родители привязались – приезжай на выходные к ним.

Вчера он устал, закончил дело, вдребезги напился и сегодня не хочет никого видеть. Ему бы машину посмотреть в гараже на яме, в тишине, покое и прохладе, а то она совсем на ладан дышит и дымит, как зараза. Гаишники свои ребята и права у него, конечно, не отберут, но машину жалко. Андрей к ней привык. Она была его любимая девочка. По секрету от коллег он даже придумал ей имя и называл ее по имени, когда ремонтировал или мыл. Ему казалось, что она его понимает.

Может, собаку купить?

Такую замечательную, желтую, беспородную собаку. Щенка. Назвать его Тяпа. Поехать на Птичку и найти там одного-единственного, собственного щенка, с карими глазами, обведенными желтым ободком, и холодным любопытным носом. Толстого и неуклюжего, похожего на всех породистых собак сразу и оттого еще более беспородного. У него должно быть сытое розовое пузо, младенческие лапы и выражение любви ко всему окружающему миру на милой мохнатой морде. Он будет кидаться к Андрею, встречая его с работы, как будто Андрей самый лучший человек на земле, лизать ему руки и скуливать от полноты чувств. Андрей вымоет его в ванне, сварит ему овсянки, а ночью он будет спать в ногах его дивана, как настоящий сторожевой пес, оберегающий покой хозяина. И заживут они вдвоем, и никто им не будет нужен.

Он мечтал о собаке все свое детство. Он много раз представлял ее себе и точно знал, какая она, его собака. Но бабушка болела, и о собаке не могло быть даже речи.

У него дежурства, ночные бдения, срочные вызовы и «ненормированный рабочий день», как это называется в законодательстве о труде. Какая, к бесу, собака?! Она через неделю сдохнет от тоски и одиночества и будет совершенно права.

Бывшая жена популярно разъяснила ему, что он – индивидуум, непригодный для жизни «в социуме» и патологически тяжелый в общении. Именно этим она объясняла его выбор профессии. «Копаться в отбросах может только человек, всецело преданный своему делу и сознающий его важность, или неудачник, пытающийся доказать окружающим свою мнимую значимость», – говорила она.

На «всецелую преданность» он не тянул и потому автоматически попал в неудачники.

Вот несчастье-то...

Чай получился слишком крепким, и в желудке опять что-то загудело, как в пчелином улье. Чего бы такого съесть, чтобы не стошнило?

Он поискал на полках. Ничего. Засохший батон, крупа и несколько банок с засахаренным вареньем, которое регулярно привозила мама. Варенье он не любил. Зато в холодильнике был сыр и одревеневший от мороза хвост копченой колбасы.

Интересно, откуда она взялась?

Последние недели он пахал день и ночь, ел в столовой – страшно вспомнить! – и ни в какие магазины не ходил.

Точно! Колбасу принесла Галка, ночевавшая у него дней пять назад. Она всегда что-нибудь с собой приносила, зная, что у Андрея есть, как правило, нечего. Ее муж укатил в оче-

редную командировку, и она выкроила вечерок для Андрея. Каждые полчаса она звонила няне и проверяла, соблюдает ли няня указания по правильному воспитанию Галкиных отпрысков. Няня все указания соблюдала, а Андрей бесился, как всякий индивидуум, непригодный для жизни в социуме.

Что-что, а жизнь в социуме никак ему не давалась.

Все его раздражало.

Раздражали Галкины звонки и то, что она приперлась к нему не по какой-никакой великой любви, а от скуки, потому что иметь в любовниках милицейского майора, человека из совершенно другого мира, в их кругу считалось чрезвычайно романтичным. А то, что он когда-то вытащил из передраги ее мужа, крупного мебельного торговца, лишь добавляло ощущениям остроты.

Он злился на себя, потому что втайне мечтал о чем-то совсем другом, чему не знал даже названия, потому что слово «любовь» было не из его лексикона.

Он никогда и никому не признавался в этом, тридцатишестилетний, разведенный, циничный, хладнокровный, злопамятный, жестокий и удачливый профессионал. Милицейский майор. Масса выносливых и тренированных мышц, девяносто килограммов живого веса, три пулевых ранения, сломанный нос, послужной список «отсюда и до заката» – и тайные мечты о толстом щенке по имени Тяпа и женщине, которая принимала бы его таким, какой он есть.

Без препарирования его психики. Без извращенного, сладкого, отвратительного любопытства – каково это, переспать с ментом, низшим существом, у которого только и есть что тренированное тело и для которого женщина из высшего общества – невообразимый подарок судьбы, с которым он и обращаться-то как следует не умеет.

Андрей с силой швырнул на плитку чайник. Кипяток плеснул ему на руку.

Стоп. Хватит. С чего это ты так разошелся?

В университете, где он прилежно учил английский язык, в какой-то книжонке – Бернарда Шоу, что ли? – ему встретилась поговорка, которую он вспоминал всю жизнь, и, как ни странно, она его иногда выручала.

«Делай, что должен, и будь, что будет» – вот как примерно она переводилась. Андрею она нравилась больше всех остальных пословиц и поговорок.

Пить надо меньше, и все будет хорошо.

Он должен попасть к родителям на дачу не позже двух часов дня, потому что в это время мама, как правило, загоняет семью обедать. Если он не приедет, его будут ждать, нервничать, голодать, и проблем потом не оберешься. Значит, у него еще четыре часа, чтобы посмотреть машину, вместе с другом Витькой сменить ей масляный фильтр, помыться и выбраться за город.

Успею...

Делай, что должен, и будь, что будет.

Ну слава богу, хоть какое-то разнообразие.

Что-то ее за город понесло, эту аптечную крысу. Принарядилась даже – сарафанчик нацепила с голыми плечами.

А плечи-то бледные до синевы, как позавчерашний кефир, а босоножки латанные-перелатанные, а сумка точь-в-точь из кино про семидесятые годы, а лопатки торчат так, что хочется хлопнуть ее по спине. Вот волосы у нее красивые. Не то каштановые, не то рыжие, и много их очень, и пострижены они хорошо – не коротко и не длинно, до плеч, как раз так, чтобы закрыть убогую тощую шею.

Посмотрим, посмотрим, куда ты направляешься и что тебе там нужно. Неужели у такой тихой крысы есть друзья или, может, любовник, которого она посещает раз в месяц? Хотя с ее темпераментом и одного раза в месяц должно быть много.

В переполненной электричке он примостился сзади нее так, что ее волосы щекотали ему нос. Конечно, она читала. Ее толкали, пихали, задевали, сдавливали, а она читала, ничего не видя вокруг. Идиотка.

Он переместился так, чтобы увидеть, что именно она читает, детектив или дамский роман с эротическими сценами?

Он поставил бы десять баксов, что дамский роман. И пускает слюни на каждой странице, где описано, как именно герой хотел и любил героиню. Это как раз для таких, как она, написано, недотраганных, никчемных старых дев.

Конечно, она читала дамский роман. Герой как раз метался по комнате в припадке страсти или чего-то там еще. Она так увлеклась, что даже не замечала, как он сопит ей в ухо.

Ему было смешно. Никогда в жизни он не работал с таким полоумным объектом. Ведь она ни за что его не узнает, если завтра столкнется с ним нос к носу у своей аптеки или в подъезде.

Надо будет написать в отчете, что по дороге в Отрадное она запоем читала пошлый романчик. То-то заказчик порадует.

Освободилось место, и он плюхнулся в крохотное жаркое отверстие между телами дачников, жаждущих подмосковной природы. Опоздавшие зароптали, а он проверил, что его подопечная продолжает жадно поглощать свое чтиво, и сделал вид, что задремал.

Ехать еще долго, жарко, а крыса никуда не денется.

– Здравствуйте, Елена Васильна! – закричала Клавдия от калитки. – Это я! Вы мне откроете?

Как всегда, откуда-то выскочили собаки, которых всегда было полно в этом доме, и маленькая женщина в нарядном сарафане поспешно разогнулась и шагнула с грядки, где она стояла, наклонившись над огурцами.

Собаки – в этот раз их было всего две, но огромные, – радостно скакали у ворот, поднимая клубы пыли и взлаивая от избытка чувств.

– Привет, ребята! – сказала им Клавдия, но войти не решилась. Елена Васильевна торопливо приближалась, и подол ее сарафана раздувался, как шлейф.

Маленькая государыня маленького королевства.

– Дима! – закричала она на ходу. – Иди скорей, Клаша приехала! Нужно собак забрать!

Откуда-то сбоку, из гаража вынырнул Дмитрий Андреевич в шортах и рваной майке в масляных и керосиновых пятнах.

– Так вот кто это пришел! – сказал он с удовлетворением. – Нашлась пропажа!

Он оказался у калитки раньше жены и по очереди схватил за ошейники скакавших собак.

– Сидеть! – сказал он им строго. Собаки посмотрели на него с умилением и завияли хвостами. Та, что была побольше и имела вид овчарки, сделала попытку его лизнуть, но ей это не удалось. Вторая грозно залаяла на Клавдию, демонстрируя хозяину бдительность.

– Сидеть! – повторил Дмитрий Андреевич. – Кому сказал?!

Очевидно, собаки решили, что сказал он это все-таки не им, потому что одна из них вдруг припала к земле, намереваясь поваляться в пыли, а вторая широко ухмыльнулась и залаяла еще громче.

– Никакого сладу с ними нет! – сказала Елена Васильевна и открыла калитку. – Проходи, Клаша! Дима, ты их держишь?

– Держу, держу! Не бойся, Клаша!

Клавдия нисколько не боялась, совершенно уверенная в их, собачьем, дружелюбии.

– Почему ты за все лето ни разу не приехала? – строгим учительским тоном спросила Елена Васильевна. Наверное, именно таким тоном она разговаривала когда-то с учениками в своей школе. – Смотри, какая бледная. Аж с зеленью.

– Ничего и не с зеленью, – подал голос Дмитрий Андреевич, подставляя Клавдии щеку. – С синевой.

Клавдия счастливо засмеялась.

– Знакомьтесь, ребята, – обратилась Елена Васильевна к собакам. – Клаша, дай им себя обнюхать, только не разрешай ставить лапы.

Собаки дружелюбно обнюхали Клавдию, и таким образом ритуал знакомства был завершен. Дмитрий Андреевич отпустил ошейники, и обе собаки первым делом прыгнули на Клавдию. Клавдия зашаталась.

– Назад! – грозно крикнул Дмитрий Андреевич. – Не смей ставить лапы!

Клавдия почесала за ухом того, кто был ближе и чья оскаленная пасть ухмылялась дружелюбней. Потом спросила, как их зовут.

– Тот, что как бы овчарка, – Мухтар. А тот, что как бы эрдель, – Линда, хотя он тоже мужик. Но переименовывать поздно, он уже привык, – махнул рукой Дмитрий Андреевич. – Видишь, как давно ты у нас не была! Мухтара соседи выбросили, когда в прошлом году уезжали в Москву, а Линду Елена на станции подобрала, еще зимой. Проходи в дом, Клаша! Скоро обедать будем.

– Ты не знаешь, где наши дети? – спросила Елена Васильевна. – Татьяна, к примеру?

– У нее беда, – сказала Клавдия и засмеялась. – Павлов проспал. Они с минуты на минуту подъедут, я думаю. За мной заезжать они никак не успевали, а то бы мы точно к ночи приехали. А об Андрее я ничего не знаю.

Она никогда про него ничего не знала. А спрашивать стеснялась.

– Ты ужасно бледная, – заметила Елена Васильевна, подходя к крыльцу. – Купальник взяла?

Клавдия кивнула.

– Тогда иди переодевайся и полежи до обеда в гамаке, позагорай немножко, – распорядилась Елена Васильевна. – Обедать будем на террасе. На улице осы.

– Я вам лучше помогу, – заскулила Клавдия. Лежать в гамаке она не умела.

– Мне нечего помогать. Стол накрыт давно. Щи томятся, картошка начищена, закуски в холодильнике. Только детей неизвестно где носит. Слава богу, первый ребенок приехал. Так что – в гамак!

– Может, прополоть чего? – тоскуя, спросила Клавдия.

– Я уж без тебя как-нибудь прополую, – отрезала Елена Васильевна. – Ты так редко у нас бываешь, девочка, что мне хочется, чтобы ты отдохнула.

Они были удивительными, родители Тани и Андрея.

Засыпая, тридцатилетняя Клавдия иногда мечтала, чтобы это были *ее* родители. И в полусне ей мерещилось, что так оно и есть. Елена Васильевна – ее мама, почему-то потерявшаяся, когда Клавдия была маленькой, а Дмитрий Андреевич – папа, и она имеет полное право на их внимание, любовь и заботу. Она и приезжала-то к ним так редко потому, что до смерти боялась, что они увидят ее страстную к ним любовь, разглядят ее глупые фантазии, совершенно несвойственные взрослым людям, и перепугаются или, хуже того, сочтут себя обязанными ее опекать...

Таня привела ее к себе домой сразу после той картошки, на которой они познакомились, и Елена Васильевна с чисто учительским пристрастием моментально выведала у Клавдии все про детдом, общежитие и вселенское одиночество. Она никогда не сокрушалась и не смотрела на Клавдию «жалостливо», но она очень быстро сумела сделать так, что Клавдия стала чувствовать себя в этой семье как дома.

Ее приглашали на все домашние праздники. В честь дня ее рождения всегда пекли «большие пироги», как это называлось в доме Ларионовых и означало, что готовится не изысканный торт по рецепту из журнала «Бурда», а с вечера заводится тесто в огромной белоснежной кастрюле, выбирается и обсуждается начинка – сладкая и мясная. А потом целый день в доме пахнет пирогами, и все томятся, ожидая, когда их подадут на стол, целую гору.

Елена Васильевна и Дмитрий Андреевич всегда были в курсе всех Клавдиных институтских дел и даже приходили к ней на выпускной вечер, оба нарядные, красивые и очень похожие на настоящих родителей, которые собрались в тот вечер в актовом зале. От счастья у Клавдии захватывало дух и щеки горели непривычным ярким румянцем. И платье они сшили вдвоем с Еленой Васильевной из куса необыкновенно красивой ткани, которую Дмитрий Андреевич привез из Китая.

Они никогда не жили легко, и Клавдия это знала.

Елена Васильевна до срока вышла на пенсию, чтобы ухаживать за бабушкой, которая и пятнадцать лет назад была совсем старенькой, Дмитрий Андреевич работал иногда даже слишком много. Большую семью нужно было содержать... Дети учились, бабушка старела, и московскую квартиру пришлось оставить, потому что бабушке в ней было нелегко, особенно летом. Елена Васильевна жила как бы на два дома, мотаясь между Москвой и Отрадным, ухаживая за всеми и успевая везде.

Пироги пеклись, обед являлся на стол вовремя, сад сиял навстречу ухоженной, ровно подстриженной травой, в которой с ранней весны и до поздней осени цвели умопомрачительной красоты цветы, и ревнивые соседки недоумевали, как в средней полосе можно вырастить такие розы и гладиолусы. Огурцы приходилось солить в бочках, так много их было, тяжелая малина висела на ветках так соблазнительно-свежо, что при одном взгляде на нее у Клавдии капали слюны, клубники можно было есть сколько угодно.

И никогда она ни на что не жаловалась, эта маленькая императрица, бывшая одновременно и поварихой, и уборщицей, и прачкой, и садовником...

Она ни в чем не перечила своим внезапно выросшим детям и не пыталась изменить или устроить их жизнь по-своему.

«У меня потрясающие старики. Необыкновенные», – говорила Таня, и Клавдия ей поддакивала, хотя никогда не могла понять, зачем называть таких молодых и сильных людей стариками.

Они не возражали, когда Андрей, с блеском закончив университет, вместо аспирантуры пошел почему-то в Школу милиции. Они не возражали, когда Таня вдруг решила бросить свою инженерную специальность и заделалась секретаршей в никому не известный крохотный банк. Они готовы были искренне любить невестку и зятя и очень горевали, когда в прошлом году Андрей развелся с женой. Но горевали молча, вдвоем, никогда и ни в чем не упрекая и не поучая ни сына, ни дочь.

– Это не в традициях семьи, Андрюша, – только и сказала Елена Васильевна, когда Андрей сообщил ей о разводе, и у нее стало напряженное и усталое лицо.

Все у них было естественно и просто. И очень по-человечески.

– Клаша, ты где? – закричала из глубины дома Елена Васильевна. – Кофе будешь пить?

Задержавшись на залитом солнцем крылечке, где стояли вынесенные из комнат цветы в горшках и жмурился флегматичный огромный кот, Клавдия протопала в дом, радуясь отсутствию перемен.

– Я спрашиваю, кофе будешь пить? – повторила Елена Васильевна, появляясь на пороге. Вид у нее был озабоченный. – Кто их знает, когда они приедут, эти шалопаи.

– Буду, – решила Клавдия. Кофе ей очень хотелось, и нервничала она ужасно. Нельзя, чтобы Елена Васильевна это заметила. Если заметит, мигом все выведает. Врать Клавдия совсем не умела.

– Сейчас сварю, – сказала Елена Васильевна с удовлетворением. Она была такая же страстная кофейница, как и Клавдия. – Бутербродик сделать? Клавдия знала, что и без всяких вопросов к кофе будут поданы необыкновенно вкусные маленькие бутерброды, и поздняя малина, и сливки в муравленом горшочке с серебряной паутиной выступившей влаги...

– Давайте я сварю, Елена Васильевна! Уж кофе-то можно мне доверить!

– Вари, – подумав, разрешила хозяйка. – А я сделаю бутерброды.

Кофе был почти готов, когда неожиданно выяснилось, что нет хлеба.

– Дима! – закричала императрица, призывая императора. – Сходи за хлебом, пожалуйста! Я совсем про него забыла.

Император покладисто передел майку, взял пакет, дернул Клавдию за нос и ушел за калитку.

– Подожди, я сейчас молоко достану, – сказала Елена Васильевна озабоченно, открывая подпол. Она знала, что Клавдия больше всего на свете любила с кофе концентрированное прибалтийское молоко и всегда держала у себя баночку на случай ее приезда.

У ворот засигналила машина.

– Это Андрей! – крикнула из подпола Елена Васильевна. – Клаша,пусти его. Ключ с правой стороны на заборе, ты найдешь!

У Клавдии взмокли ладони, а спине стало холодно.

Приехал Андрей.

Ведь она знала, что он вот-вот приедет, и даже прислушивалась к шуму машин за забором, и даже поглядывала на московскую дорогу, которая сразу за домом взбиралась на мостик и была хорошо видна с участка. Но он посигналил, и ноги приросли к полу, и в голове стало как-то неопределенно – ни связных мыслей, ни умных фраз...

– Клаша, ты что? – спросила Елена Васильевна. С металлической банкой в руке она стояла на шаткой лесенке, собираясь вылезать из подпола, и вид у нее был встревоженный. – Пойди и открой ворота! Ты что, не слышишь?!

Медленно, оттягивая неизбежный момент встречи, она поплелась с крыльца, стараясь не смотреть за калитку, где он уже стоял, свесив на эту сторону забора огромные ручки с надувшимися синими венами. Клавдии казалось, что ни у кого на свете нет больше таких красивых, сильных, мужских рук.

Собаки, дружелюбно виляя хвостами, толкались около забора, оттесняя друг друга.

– Привет! – поздоровался он негромко. – Я и не знал, что ты здесь. Танька мне не сказала. Если бы знал, с утра бы приехал.

Всегда он разговаривал с ней так, что она не знала, смеяться ей или плакать. Он никогда ее не замечал.

– Привет, – сказала она, не глядя на него и делая вид, что увлечена поисками ключа от ворот. – Я сама только что приехала.

– Ты не это ищешь? – спросил он, разжимая здоровенную ладонь с желтыми островками мозолей. На ладони лежал длинный старинный ключ.

– Как ты его достал? – искренне поразила Клавдия и первый раз посмотрела ему в лицо. И больше уже не могла отвести взгляд.

Он засмеялся.

– Я вырос в этом доме, – сказал он. – Я могу достать все, что угодно откуда угодно. Эх ты, девчонка!..

Она взяла у него с ладони ключ. Жесткая, как наждак, кожа царапнула ей пальцы.

Господи, зачем она приехала?! Ведь знала, что он тоже собирается на дачу, и теперь она полгода будет мусолить подробности этой встречи и вспоминать, как он сидел, стоял, молчал, ел...

– Где все? – спросил он, пока она возилась с замком.

– У Таньки Павлов проспал, – объяснила Клавдия, не отрываясь от замка. – Они сейчас приедут. Дмитрий Андреич за хлебом ушел пять минут назад. А мама в подполе.

– Все как всегда, – сказал он, усаживаясь в машину. – Придержи собак, чтобы не выскочили.

Клавдия послушно схватила собак за ошейники, чем страшно их удивила, и ухоженная чистенькая машина точненько въехала в узкое пространство между гаражом и старой липой.

– Выпускай! – велел Андрей, выкарабкиваясь из машины. – Ворота я закрою.

Больше говорить было не о чем, и Клавдии следовало сразу же уйти в дом, под крыло Елены Васильевны, и заняться там чем-нибудь полезным, и не попадаться ему на глаза до самого вечера.

Но она продолжала стоять.

Он запер ворота и вернул на место ключ.

– Как дела? – спросил он Клавдию с равнодушным дружелюбием.

– Нормально, – сказала она. – А у тебя?

– У меня лучше всех. – Он неожиданно улыбнулся. – Что-то ты бледная. Работаешь много?

Ей стало жарко.

– Как обычно, – сказала она и сцепила за спиной руки.

– Приезжала бы почаще, – посоветовал он все так же равнодушно. – Родители тебя любят, и мы с Танькой тоже...

– Спасибо, – сказала Клавдия, поворачиваясь, чтобы идти к дому.

– Замуж не вышла? – спросил он сзади, и ей послышалась в его голосе насмешка.

Это ее задело.

За десять лет она ни разу не дала ему повод догадываться о том, как сильно она влюблена в него. Ни разу она не сделала ничего такого, что заставило бы его хотя бы вспомнить на пять минут о ее существовании.

И все-таки он не должен был задавать вопросы, от которых ей хочется реветь и топтать ногами.

– Не вышла, – ответила она с удивившей его злобой в голосе. – Все тебя дождаюсь!

Ему и в голову не приходило, что его вопрос может задеть ее. Эх, никак он не приспособится к жизни в социуме!

– Меня?! – переспросил он, понимая, что нужно как-то ее отвлечь. – Так это просто шикарно, Клава. Я как раз в данный момент временно не женат.

– Ты дурак какой-то, Андрей! – выпалила она и стремительно ушла в дом.

Он посмотрел ей вслед.

Что-то она сегодня не в настроении. Лучше к ней не приставать, а то укусит.

Краем глаза он увидел в окошке мать, которая смотрела на него внимательно и без улыбки.

– Мамуль, привет! – крикнул он, внезапно осознав, как он соскучился по этому дому и по родителям. Словно сделав над собой усилие, мать улыбнулась в ответ, и он пошел в дом.

От его шагов цветы на крыльце зашатались, а в старом бабушкином шкафу жалобно зазвенела посуда.

Таня с Павловым оставались ночевать, а Клавдия в девятом часу засобиравшись домой.

– Ты что, с ума сошла? – спросила Елена Васильевна. – Только приехала, и обратно! Переживешь денек без своей Москвы ненаглядной. Останешься, и дело с концом.

– Правда, Клавка, – протрубила из гамака Таня, – что за глупости? Завтра вместе поедем. Мы тебя довезем до самого дома. Куда ты сейчас попрешься на ночь глядя?

– Знаю я вас, – сказала Клавдия весело. Про себя она твердо решила, что ни за что не останется. – Павлов опять проспит до вечера, и вы на работу в понедельник поедете, а я куда денусь?

– С нами поедешь, – из кустов подал голос Павлов. Он ел малину, и вид у него был счастливый. – Какая тебе разница, в воскресенье или в понедельник?

Ей-то как раз была разница. Павлову не было никакой.

Теща с тестем его уважали, Танька была при нем, что еще нужно усталому мужику в выходные?

– Сейчас еще раз самовар поставим, – пообещал Дмитрий Андреевич. – Елен, пироги остались?

– Полно, – ответила Елена Васильевна, – и до мороженого мы еще не дошли. А завтра шашлык будет, Клаша. Ты же его любишь!

Клавдия обожала шашлык, и поесть его ей выпадало только раз в году на даче у Ларионовых, но даже такой аргумент, как шашлык, не мог убедить ее остаться.

– У меня завтра дежурство в аптеке, – неловко соврала она. Интересно, они догадались, что это вранье, или нет? – Спасибо. Я так люблю к вам приезжать!..

– Так чего ж не приезжаешь? – спросил Дмитрий Андреевич. Сидя на корточках, он изо всех сил дул куда-то под самовар. Из самовара во все стороны летели зола и искры. Подошел Андрей, присел рядом и тоже стал дуть.

– Прекратите, – попросила Елена Васильевна, отмахиваясь от летевшей в разные стороны золы. – Наш самовар нежный, он этого не вынесет.

– Вынесет, – уверенно сказал Андрей. Из самовара внезапно повалил дым, словно он решил, что дешевле будет снова разгореться. Андрей покидал в него шишек и сказал, отряхивая руки: – Я тебя довезу, Клава. Мне тоже завтра на работу.

Клавдия уставилась на него в смятении. Еще не хватало провести с ним два часа в машине. Да она с ума сойдет, и ее придется везти не домой, а прямо в Кашенко!

– Спасибо, – поблагодарила она Андрея под пристальным взглядом Елены Васильевны. – Тебе, наверное, это неудобно... А мне еще в магазин зайти нужно...

– Как хочешь, – сказала императрица, – а одну я тебя не отпущу. На дворе не июнь, темнеет рано. Так что или оставайся, или езжай с Андреем.

– В магазин я тебя тоже завезу, – пообещал Андрей, залезая к Павлову в малинник. – У меня в холодильнике можно в хоккей играть – просторно и холодно.

Возражать было нечего, и Клавдия дала себе слово, что немедленно заснет мертвым сном, как только они выедут с участка. А проснется уже в Москве.

– Сейчас чайку еще попьем и поедем, – сказал Андрей из малинника. – Мам, ты что-то там говорила про пироги...

Они уехали через час, наевшись так, что трудно было дышать.

– Я тебе в пакет сунула остатки пирогов, – напоследок шепнула Елена Васильевна Клавдии. – Смотри не забудь, положи их на ночь в холодильник. А утром перед работой разогреешь...

– Спасибо, – пробормотала Клавдия, чувствуя себя худшей из обманщиц. – И извините меня, что я уезжаю...

– Я все понимаю, – сказала Елена Васильевна строго. – Работа есть работа...

Андрей о чем-то договаривал с Таней, и Клавдия ужасно ей завидовала потому, что она может так легко и просто разговаривать с ним, смеяться и целовать его в щеку.

Дмитрий Андреевич вывел с участка его машину, собаки скакали вокруг, лаяли и толкались.

– Садись, Клаша, – сказал Дмитрий Андреевич, открывая ей дверь. – Они еще будут полчаса целоваться.

Клавдия осторожно села в машину Андрея и огляделась. Внутри она была такой же чистой и ухоженной, как снаружи, и Клавдии приятно было, что она сидит в машине Андрея.

Какой-то тип в полосатой рубашке стоял на мостике, через который им предстояло проехать, возвращаясь в Москву, курил и сплевывал в воду. Что-то в его облике вдруг насторожило Клавдию, и она взглянула раз и потом еще раз.

В детдоме, а потом в общежитии ей приходилось все время быть настороже. Чуть зазеваешься – и пиши пропало. Хорошо, если просто побьют, а не зарежут. Привычка оглядываться по сторонам и замечать все, что происходило вокруг, была у нее в крови. Инстинкт самосохранения не раз спасал ей жизнь, и, даже прожив несколько лет в относительной безопасности, она всегда слушалась этого своего инстинкта...

Она видела этого мужика в полосатой рубашке раньше.

Где?

Шум проводов, Танин смех, громкие голоса, собачий лай и урчание двигателя мешали ей сосредоточиться. Она закрыла глаза.

Дело не в рубашке, хотя таких дешевых полосатых одеяний этим летом в Москве было просто неприлично много. Должно быть, какая-то турецкая фабрика запустила новую линию. Но она отчетливо помнила именно типа, а не рубашку.

Да. Точно.

Сегодня он ехал вместе с ней в электричке и противно сопел в ухо. Было жарко, и ей все время хотелось его оттолкнуть, но она не стала, опасаясь нарваться на неприятности.

Она чуть успокоилась, выдохнула и открыла глаза. Ничего страшного, он просто ехал туда же, куда и она, – в Отрадное. Может, у него здесь тоже родственники.

Клавдия тихонько усмехнулась. Тоже! У нее-то как раз никаких родственников здесь нет. Она снова посмотрела на мостик, чувствуя себя очень защищенной в машине Андрея. Тип удалялся в сторону станции, и внезапно опять накатила тревога.

Дело не только в электричке. Она видела его где-то еще. Именно такую удаляющуюся спину, напряженную и внимательную, как если бы на этой спине были пристальные, осторожные глаза.

Ладони вспотели, и она вытерла их о подол сарафана. Вечно ей мерещатся всякие ужасы. Вот что значит постоянное чувство опасности, выросшее вместе с ней из крохотного испуганного ребенка во вполне взрослого человека.

Нет, ей не померещилось.

Она видела эту спину, он выходил из аптеки неделю или две назад. В дверях он посторонился и пропустил молодую девушку с коляской и еще одним малышом на буксире.

Она не может ошибаться, ее детдомовская память фиксирует и откладывает все, нужное и ненужное, как сама Клавдия когда-то прятала в фанерный чемоданчик хлеб, зная, что, когда ей захочется есть, рассчитывать будет не на что, кроме собственных запасов. Недаром лучше всех и быстрее всех в аптеке она запоминала названия новых лекарств, и фирму-изготовителя, и показания к применению, и дозировку, и препараты-аналоги, и заменители, и даже номера накладных. «Ты у нас ходячий справочник, Клава», – всегда говорила ей Варвара Алексеевна.

«Справочник» не подвел. Это был именно тот человек, которого она видела в аптеке.

Тоже совпадение? Он мог просто зайти за лекарством именно в ту аптеку, где работает Клавдия. Ничего такого.

Странные какие-то совпадения. В Москве тысяча других аптек, а под Москвой сотни дачных поселков, и все-таки этот человек дважды попался ей на пути. А может, не дважды, а трижды? Или четырежды?

– Господи, – пробормотал Андрей, усаживаясь рядом. – Уехать невозможно. Миллион указаний. Тысяча пожеланий. Приезжай скорей. Не забывай обедать. Не кури на голодный желудок. Чисть зубы и мой руки перед едой.

Клавдия засмеялась, моментально позабыв обо всех своих подозрениях. Она вообще обо всем забывала в его присутствии. Как школьница-переросток.

– А ты моешь руки перед едой? – спросила она.

– Еще как! – ответил он и посигналил родным, вышедшим за ворота проводить его. Все замахали руками, а Елена Васильевна послала воздушный поцелуй. – Меня хлебом не корми, дай только что-нибудь помыть. Руки и все такое...

Он сидел очень близко, большая рука двигалась, переключая скорости. И невозможно, невозможно было забыть о том, что он развелся, что он теперь... ничей, что он мог бы быть... ее.

«Господи, – подумала Клавдия, напряженно глядя на дорогу, – зачем ты оставил мне надежду? Это нечестно, господи...»

Словно боясь, что он может подслушать ее мысли, Клавдия быстро отвернулась к окошку и еще раз увидела *ту самую* спину.

– Ты знаешь, – сказала она Андрею, стараясь отделаться от ненужных мыслей, – вон идет тип, которого я сегодня видела в электричке, и еще в Москве, в аптеке. Странно, да? Как ты думаешь, это совпадение?

Совершенно неожиданно для нее он разозлился.

– Взбесились вы все! – сказал он грубо. – У тебя тоже галлюцинации?

– А у кого еще... галлюцинации? – осторожно спросила Клавдия.

– У моей жены, – ответил он, резко выворачивая на асфальт. Он не сказал «бывшей», и Клавдия это заметила. – У какой-то ее подруги. У подругиного мужа. У всех, черт побери. Всем мерещится, что за ними следят. Ты что, подала заявление в израильскую разведшколу?

– Да вроде нет, – ответила Клавдия, рассматривая его так, чтобы он этого не заметил. Майора и оперуполномоченного Андрея Ларионова она не знала, и ей интересно было посмотреть, какой он. Выходило, что совсем другой.

– А раз не подавала, то успокойся. В Москве и Подмосковье огромное количество всяких мужиков, и некоторые из них даже похожи друг на друга. Можешь себе представить? Пока ты еще не глава Росвооружения, следить за тобой нет никакого резона. Это понятно?

– Понятно, – послушно пробормотала Клавдия. Не могла же она ему объяснить про годами тренируемую память на мелочи, про детдом и про хлеб...

Говорить было не о чем, и Клавдия вспомнила свой блистательный план заснуть сразу по выезде из ворот. Но жалко было тратить два часа, которые выпали ей раз в жизни и могли больше не выпасть никогда, на притворство.

Лучше она посидит тихонько рядом с ним.

Она умела виртуозно выдумывать себе другую жизнь, не такую, какая была у нее на самом деле. Это было очень просто и помогало, когда становилось совсем невмоготу.

Пусть он будет ее мужем. Как будто. Они возвращаются в Москву с дачи, оставив бабушке детей и радуясь этому короткому отдыху вдвоем и тому, что впереди у них длинный, молодой вечер, а завтра еще выходной, и можно будет проваляться в постели до полудня, ни о чем не заботясь. Он устал, конечно, на своей сумасшедшей работе, и она будет ухаживать за ним весь вечер и утро – нальет ему ванну погорячее, заварит чай, будет мурлыкать и тереться о него, как кошка. Интересно, какой он по утрам? Почему-то ей казалось, что очень сердитый. Но она смогла бы его развеселить, запросто...

Внезапно ей стало так неловко, что она резко поменяла положение и отодвинулась.

– Ты чего? – спросил Андрей.

Какая-то она была чудная. Танька, что ли, чем-то ее огорчила? Вряд ли, они ведь такие подруги... Или это он на нее так действует? В социуме-то он жить не умеет.

– Ты чего? – повторил он и мельком глянул на нее. Она смотрела в окно. – На меня обиделась?

– Что ты, Андрюша, – забормотала она, испугавшись, что ее можно заподозрить в подобной глупости. Разве она могла на него обижаться? Обижаться можно только на близких, а на чужих что обижаться?

– Ты странная какая-то стала, – сообщил он ей. – Дуешься, что ли? Или влюблена?

Она вздрогнула и посмотрела на него с изумлением.

«Кажется, попал, – подумал он с неожиданным раздражением. – Молодец, майор. С твоим тактом нужно немедленно перевестись на склад хранения табельного оружия».

Ему некогда было анализировать собственные чувства, и он крайне редко этим занимался, тем более до недавнего времени его чувства постоянно анализировала жена, напроочь отбив у него охоту к этому занятию. Поэтому он не стал думать, откуда взялось раздражение. Просто ему было неприятно, что он угадал, и все.

Много лет эта рыжеволосая тихая девушка принадлежала его семье, а следовательно, и ему тоже. И он никогда не задумывался, что будет, если в один прекрасный день она перестанет им принадлежать.

И что это за мужчина, в которого она влюбилась? И впишется ли он в семью?

– Давно? – спросил он неожиданно для себя.

– Что давно? – не поняла Клавдия.

– Влюбилась-то давно?

Она вдруг развеселилась.

– Давно, Андрей. А что? Неужели ты заметил?

– Заметил, – буркнул он, не понимая причины ее веселья.

А может, она не влюбилась, а просто морочит ему голову? На них это похоже, на девчонок. Хорошо бы морочила...

Странно, он никогда не думал о своей жене как о «девчонке». А о Таньке с Клавой только так и думал, хотя им обоим уже... сколько? По тридцатнику, наверное.

– Андрюха, ты такой потрясающий слон, – сказала она и засмеялась. – Неужели на твоей работе можно быть таким слоном?

– Каким слоном? – спросил он, подозревая, что речь идет о пресловутом «социуме», но в других выражениях.

– Таким, – сказала Клавдия, заливаясь идиотским смехом. – Я же была в вашем управлении, когда тебя орденом награждали, и там все в один голос говорили, какой ты необыкновенный сыщик. Шерлок Холмс по сравнению с тобой просто маленький неопытный мальчик.

– Так не говорили, – сказал он, польщенный. Ему было приятно, что она об этом помнит. Никому не было никакого дела до его работы и до того, плох он или хорош в деле, которым занимался уже много лет. А она... помнила, что его хвалили. – И все-таки почему я слон?

– Не скажу, – ответила она, – не проси. Расскажи мне лучше, как ты живешь?

– Нормально, – ответил он, все еще раздумывая над слоном. – Работа, дом. Работа, дом. Вот в гараж сегодня съездил, с бывшей пообщался. Напился вчера...

– Зачем? – спросила она.

– Затем, что хреново было, – ответил он честно. – Иногда мне бывает хреново.

– Ну что ж, – сказала она рассудительно, – пожалеть себя и напиться по поводу собственной загубленной жизни время от времени очень полезно. Ты из-за этого напился?

Ее неожиданная пронительность удивила его.

Она не могла знать его так хорошо, чтобы с одного раза угадать причину. И все-таки угадала.

– Да, – буркнул он. Она его смутила. – Все-то ты знаешь. В следующий раз, когда мне захочется оплакать свою загубленную жизнь, я тебе позвоню.

– Давай! – разрешила она с непонятным ему энтузиазмом. – Я вполне могу напиться вместе с тобой.

– Ты-ы? – протянул он. – Кишка тонка!

Это был очень странный разговор, каких они никогда не вели раньше. Это был очень легкий разговор, болтовня и треп, и непонятно было, почему им обоим показалось странным, что никогда раньше они не разговаривали так легко.

Андрей высадил Клавдию у подъезда, помахал на прощание, развернулся на крошечном пятачке между домом и детской площадкой и уехал.

Клавдия долго смотрела вслед его красным «Жигулям». Потом вздохнула и повернулась, чтобы идти в подъезд.

Внезапно сильно стукнуло сердце, и полиэтилен пакета противно пополз из ставшей влажной ладони.

Она еще раз глянула, проверяя.

На лавочке у беспорядочно торчащих «ракушек» сидел *тот* тип в полосатой рубашке. Он смотрел в сторону, на площадку, где под одиноким фонарем прогуливались несколько собак с хозяевами. Это был именно он, и майор Ларионов мог заткнуться со всеми своими подозрениями, что у нее галлюцинации.

Она вся подобралась, как бывало в детдоме перед большой войной.

Что-то происходит вокруг нее, и она не знает, что именно. И что бы там ни думал майор, это происходит на самом деле.

Ей нужно подумать и подтвердить свои подозрения.

Сердце билось медленно и сильно.

Она все выяснит и расскажет Андрею. Конечно, он все ей объяснит и успокоит. Только сначала нужно проверить. Тот тип или не тот? Он приходил в аптеку или нет? Зачем она может быть ему нужна?

В понедельник она посмотрит, и если увидит его у аптеки, значит, тот самый.

Слежка? Что за глупости?

Она юркнула в подъезд и опрометью бросилась к себе на третий этаж. Только заперев дверь на все замки и цепочку, она почувствовала себя в безопасности и перевела дух.

Она все поймет на следующей неделе. Поймет и позвонит Андрею. И он ее спасет.

Если бы она только могла догадаться, что принесет ей следующая неделя, она скорее всего собрала бы вещи и улетела ночным самолетом на Камчатку...

Спала Клавдия плохо.

Полночи она пролежала, зажмурившись и напрягая слух.

Ей слышались какие-то звуки, вчера еще совсем не страшные, и даже успокоительные, сегодня они казались зловещими и предвещающими беду.

Уличный фонарь заливал комнатку мертвенно-синим светом. Разросшийся за лето клен постукивал тонкой когтистой лапкой в подоконник.

А может, это не клен? Может, это кто-то заглядывает к ней в окно и проверяет, одна она или нет?..

Скрипнула половица в крохотной прихожей. Хлопнула подъездная дверь.

Что это? Сквозняк или кто-то поднимается на ее этаж?

Шевельнулись белоснежные занавески, казавшиеся в мертвенном свете фиолетовыми.

Нет, это не сквозняк. Ей стало жарко от страха.

Успокойся, это просто твои фантазии. Ни один злоумышленник не полезет на третий этаж, в квартиру, где совершенно нечем поживиться, да еще среди ночи, да еще в присутствии хозяйки!

Да, но почему опять хлопнула подъездная дверь?.. Разве она когда-нибудь хлопает по ночам? И что за странный сквозняк шевелит штору? Откуда он взялся? Форточка на кухне закрыта, значит, открылась дверь на лестницу?

О господи, наверное, нужно встать и посмотреть, но это очень страшно...

– Кто там? – неожиданно даже для себя тонким голоском спросила Клавдия, и вопрос повис в тишине ночной квартиры, как мертвец на потолочном крюке.

Ледяной рукой Клавдия нащупала шнурок торшера и дернула его вниз. Комнату залило желтым светом, штора сразу стала белоснежной, а стеклянный омут окна как будто потемнел и провалился.

Ни в комнате, ни в прихожей, конечно, никого не было.

– Я не буду трястись, как последняя дура! – громко заявила Клавдия себе и всем окружающим ее предметам. – Ничего не происходит. Все в полном порядке. Я расскажу обо всем, что видела, Андрею Ларионову, и он посоветует мне, что делать. Скорее всего я ошибаюсь. У меня эти... как он сказал?... галлюцинации. Сейчас я лягу спать и усну. В пятницу я веник так и не купила, придется завтра ехать на рынок. Слышала? – строго спросила она себя. – Ложись сейчас же!

Она легла, убеждая себя, что нужно спать, но смалодушничала и свет гасить не стала.

В этом желтом веселом свете пугающие ночные звуки как-то растворились, ушли, и Клавдия перестала их слышать. Лежа на боку, она вспоминала, какой чудесный был день, и как она приехала, и собаки скакали вокруг, а Дмитрий Андреевич их держал, и оказалось, что Линдой зовут собаку-мальчика и не переименовывают, потому что он привык, а потом Андрей протягивал ей ключ от ворот, и она смотрела ему в лицо, в неопределенного цвета глаза, конечно же, самые прекрасные глаза на свете.

Так она и уснула со светом, до шеи натянув одеяло и мечтая об Андрее, который знать ее не желал и думать о ней не думал.

Зато в это же самое время о ней думал другой человек.

Он думал о ней так пристально, что именно его напряжение полночи не давало ей спать, нагоняя ужас.

На столе перед ним лежали отчеты наблюдателей за последние две недели, которые он уже знал почти наизусть, до самых мелких деталей. Знал так же твердо, как то, что *время пришло*.

Он убедился во всем, в чем должен был убедиться. По крайней мере в том, что касалось мужчины.

За женщиной придется еще некоторое время понаблюдать, но он совершенно уверен, что это она. Именно она.

Время, время... Оно поджимало и торопило его, но торопило не как враг, а как союзник. Оно укрепляло его решимость и мягко подталкивало вперед бархатной неумолимой рукой. Если бы не время, которое невозможно остановить или уговорить подождать, он долго бы еще тянул, отодвигая неизбежное и закрывая глаза на очевидное.

А медлить было уже нельзя.

Мужчину устранить сложнее, именно поэтому он будет первый. Даже в школе учили сначала браться именно за самое трудное.

С женщиной будет легче. В конце концов она всего лишь женщина – слабое, неумное, никчемное существо.

Он вспомнил еще одну женщину, умершую в мучениях.

Это было много лет назад, но он помнил и чувствовал *ту* смерть так, как будто она случилась час или два назад. Он видел ее изменившееся лицо и скрюченную, неестественно белую руку. Он рассматривал ее с жадным любопытством и торжествующим, ни с чем не сравнимым ликованием – это сделал он!

Он убрал ее с дороги. Он придумал сделать так, что она уже никогда не будет ему опасна и ее поганый язык не сможет ничего и никому рассказать.

Об одном он жалел – она так и не узнала, что он убил ее.

Жалел остро, истово, постоянно.

Она умерла – и все. Наслаждаясь тем, что это дело его собственных рук, он так и не смог насладиться ее ужасом, страхом, чувством обреченности, которые в миллион раз усилили бы ее мучения, знай она, что ее смерть – это *он*.

Тогда он думал, что все предусмотрел и поставил точку в деле, мучившем его годами. Много лет он прожил в покое и счастье, наслаждаясь тем, что убрал с дороги лукавую гадину, мешавшую ему дышать. И вот теперь приходится снова планировать и рассчитывать, устраивая новую смерть.

Только эта смерть, и даже не одна, а две, даст ему возможность жить так, как он привык.

Этих двоих он ненавидел меньше, чем ту, первую. Они были недостойны его ненависти, мелки и – он уверен – трусливы.

От долгого сидения за столом у него затекли ноги, и он встал, чтобы размяться.

За окнами была непроглядная, густая, почти осенняя ночь. Только душно было не по-осеннему. Наверное, придется все же купить кондиционеры. Конечно, по старинке, с открытым окошком приятнее, но жара давит, угнетает, не дает работать и думать. Он плохо переносит жару.

Срок для мужчины был уже назначен.

Пистолет он отверг, хотя, купленный заранее, он лежал у него в столе, ожидая своего часа.

Нет, пистолет – это слишком просто и незамысловато. Он хочет, чтобы *это* не было так быстро. Чтобы потребовало усилий. Чтобы его жертва не умерла мгновенно и безболезненно – вздох, а выдоха уже никогда не будет.

Ему нужно, чтобы тот человек не просто умер, а *умирал*. Пусть недолго, пусть всего несколько секунд, но ему-то он скажет, кто заставил его платить по счетам. Давней ошибки он не повторит. Этот умрет не просто так. Этот умрет, твердо зная, *за что*.

Именно поэтому он не поручил это дело никаким исполнителям, готовым за деньги на все. Он должен сделать это сам, исправив то, что он когда-то не доделал.

И зажить дальше веселой счастливой жизнью.

Он глубоко и радостно вздохнул.

За закрытой дверью слышались шаги, и дорогой, любимый, единственный голос, ради которого он был готов на все, спросил озабоченно:

– Почему ты не спишь? Тебе же нужно отдыхать! Ты знаешь, который час?

– Иду-иду, – отозвался он с нежной готовностью. – Ложись скорее.

Он поправил штору на распахнутом окне и задвинул ящик стола, в котором лежал короткоствольный израильский пистолет с глушителем и моток обыкновенного капронового шнура, который продается в любом хозяйственном магазине.

Понедельник начался дождем.

Дождь шел всю ночь, и к утру весь город был мокрым, холодным и нахохлившимся, как воробей, переживший зиму.

Жара последних дней лета почти заставила уверовать в то, что невозможное возможно и осень, задержавшаяся где-то по дороге, еще не скоро вспомнит о Москве и спешно начнет наверстывать упущенное.

Не тут-то было.

Осень прибыла точно по расписанию, прихватив с собой дождь, туман и северный ветер. И сразу стало видно, что она и не собиралась нигде задерживаться и давно уже в городе – со старых лип в скверике напротив густо и обильно сыплется листва, клены уже совсем пожелтели, озябшие от ветра капли нервно дрожат на стеклах, и впереди только холод, дождь, короткие дни и ранние сумерки...

«Уеду, к черту, в отпуск», – сердито решил Сергей, глядя в окно на залитый дождем серый асфальт больничного двора. Прикрываясь мокрым плащом, под окнами наискосок пробежал санитар Дима, толкая перед собой белую больничную тележку. Полы его халата тоже были мокрыми.

Что это за климат? Шесть месяцев в году зима, а все остальное не поймешь что – то предзимье, то предлетье какое-то. Только-только придет тепло, только-только расслабятся и успокоятся замученные зимними стрессами люди, и снова – дождь, холод, ветер... Жди теперь еще полгода следующего предлетия. Настоящее лето в этих широтах бывает раз в двадцать лет.

«Точно, нужно в отпуск уехать, – обрадовавшись собственному решению, подумал Сергей. – Бог с ней, со школой, что там они пропустят, первый и третий класс? Уговорю Ирку. Не будем ждать никаких каникул. Сдохнуть можно, пока дождешься. Лучше тогда в ноябре еще раз слетаем. Или они без меня слетают. Хотя Ирка, конечно, одна никуда ездить не любит, но я попробую вырваться. Может, и получится... Поедем в отпуск, и точка».

Он отвернулся от окна, подошел к столу и длинным, красным от постоянного мытья пальцем нажал кнопку на селекторе.

– Марина Викторовна, – попросил он, когда селектор отозвался, – зайдите ко мне, пожалуйста!

Он отпустил кнопку и, обойдя громадный стеклянный стол – идиотский шедевр дизайнерской мысли, – стал копаться в карманах пиджака, наброшенного на спинку кресла.

– Можно, Сергей Леонидович? – секретарша робко просунула голову в узенькую щелочку приоткрытой двери.

Сергея всегда удивляло, как ей удается просунуть такую огромную голову в такую крошечную щель. Ее милая робость никак не вязалась с громоздким многопудовым телом и сиреневыми волосами, уложенными в немыслимую прическу. Секретарша она была отличная – исполнительная, вежливая и, что самое удивительное, проворная. Сергея она боготворила и боялась.

– Можно, можно, заходите! – Он продолжал рыться в карманах, не находя нужной визитки, а секретарша застыла посреди кабинета, как айсберг, неожиданно решивший не топить «Титаник».

– Черт, куда же я... А! Вот. – Он выудил из внутреннего кармана желанную визитку и протянул ей. – Это телефон Игоря Бородина, он генеральный директор какой-то туристической фирмы. Ага... «Таласса», вот как она называется. Позвоните ему и попросите, чтобы он подобрал мне поездку недели на две туда, где тепло.

– То есть куда? – подобострастно спросила секретарша. Когда шеф изволил изъясняться непонятно, она всегда старалась переспросить, чтобы – боже сохрани! – ничего не перепутать и в точности выполнить монаршую волю.

– Неважно куда, – сказал Сергей нетерпеливо. – Турция, Греция, Испания, Италия, Крит, Египет, Канары... Далее везде. Пять звезд. Детский клуб. Номер желательно двухкомнатный, чтобы дети не ночевали одни... Допустим... с пятницы. Или с будущего понедельника.

– С пятницы, которая будет в конце этой недели? – уточнила секретарша.

– Совершенно верно, – улыбнулся Сергей. – Я думаю, проблем никаких не будет, потому что каникулы кончились, а в пятизвездочные отели и в каникулы никто особенно не ломится... Сделаете?

– Конечно, – уверила секретарша, задом отступая к двери. – Конечно, Сергей Леонидович...

– И соедините меня с женой! – вспомнил он, когда она была уже у двери. – Пока я оперировал, она не звонила?

– Нет, нет, – испуганно заверила секретарша. – Я бы сразу передала, Сергей Леонидович. Плохо, что не звонила. Сергей не любил, когда она подолгу ему не звонит.

Пусть он несовременный, пусть он отсталый, пусть он какой угодно, но ему легче живется и работается, когда он знает, что с ней все в порядке. Дети в школе – младший сегодня пошел в первый класс, и Сергею даже удалось выкроить время, чтобы проводить его! – Ирка на работе, вечером все соберутся дома, и он им объявит, что они едут в отпуск, и не когда-нибудь, а через три дня. Ирка, конечно, будет ворчать сначала, она не любит неожиданных решений и резких изменений в планах. Зато когда они уложат детей спать и сами разлягутся на шикарном новом водяном матрасе, и все обсудят, и решат, что брать из вещей и кому пристроить Ники, веселого рыжего колли, и он расскажет ей, как устал за это лето – от работы и от неясных глупых подозрений, – тогда наконец она обнимет его и, как всегда, непременно скажет, что он во всем прав, и они будут долго и пылко заниматься любовью. А через три дня он уже будет греться на вечном солнце на берегу вечного моря...

С утра у него были две тяжелые операции, и обе были проведены «с блеском», как сказал ему ассистент. Сергей и без ассистента знал, что сработано все на редкость хорошо, но похвала была ему приятна. После обеда он съездил в министерство и, как это ни странно, увидел всех, кто был ему нужен. Такая удача выпадала редко. Вернувшись, он провел короткую летучку с докторами и нарисовал план завтрашней операции. Такая у него была привычка.

А потом решил поехать в отпуск.

Всех срочных больных он постарается прооперировать на этой неделе, а вместо себя оставит Сашку Гольдина. Сашка – отличный хирург, едва ли не лучший, чем он сам. И администратор прекрасный.

Все, можно уезжать домой.

– Сергей Леонидович, Ирина Николаевна, – доложила секретарша в селектор.

– Спасибо, – ответил он.

– На первой линии, – уточнила секретарша и отключилась.

– Привет, – сказал он. – Ты чего мне не звонишь?

– Я тебе на мобильный звонила, – сказала жена весело. Всегда ей было весело. Не умела она сердиться, негодовать и выражать неудовольствие. Вот такая редкая у него была жена, и он любил ее последние пятнадцать лет. – Твой мобильный мне сказал, что ты недоступен. То есть абонент. Сережка, ты – абонент?

– Я великий хирург, – сообщил он ей. – И грозный начальник. Всех сегодня построил, всем влепил по первое число. Сейчас приеду домой и тебе влеплю.

Она не испугалась.

– Как наш сын посетил школу? – спросил он, надевая пиджак. Рукав завернулся, и он старательно его выворачивал.

– Который, первый или второй? – уточнила жена.

– Обое, – сказал он. Иногда ему нравилось загнать что-нибудь такое, вроде «обое», «вечерась», «надысь» или «ихние».

– Все отлично, – ответила жена. – Приезжай. Татьяна Павловна сказала, что абсолютно все без исключения довольны и счастливы.

Татьяной Павловной звали няню, которая забирала мальчишек из школы и оставалась с ними до приезда родителей.

– Я купила торг-мороженое для бандитов, «Баскин Роббинс» для тебя, орехов для себя, и еще осетрину и отбивные. Есть хочешь?

– Ужасно, – сказал он, улыбаясь, как идиот. – Я тебя люблю, Ирка. Выезжай. Я ненавижу приезжать раньше тебя.

– Тиран и сатрап, – объявила она и повесила трубку.

Это был чудный вечер.

Детей удалось загнать в кровати только в половине десятого, хотя Ира всегда строго контролировала время укладывания – в девять, и никаких гвоздей. Они оба были врачи и потому отлично понимали, что детям, которые ходят в школу и спортивные секции, нужно много спать и плотно есть, иначе к восемнадцати годам они превратятся в инвалидов и неврастеников. Но сообщение об отпуске, в который они на днях уедут, – подумать только, на целых две недели! – выбило семейство из привычной колеи.

Мальчишки скакали, Ники лаял, отбивные шипели на сковородке, а Ирка ворчала, что вечно он придумывает невесть что, когда только начался учебный год и самое время налаживать нормальный ритм занятий, входить в рабочую колею, составлять разумный график и делать что-то еще, такое же правильное и скучное.

Очень быстро она отошла и стала строить планы, а Гришка притащил бумажку в клеточку и фломастер – писать список вещей. Список был отложен на завтра, и дети, стена и вопя, удалились в свои комнаты.

Сергей быстро затолкал посуду в посудомоечную машину, потрепал Ники и улегся на свой суперматрас, купленный неделю назад за бешеные деньги. Он стал плохо спать из-за каких-то придурков, провожавших его в клинику и обратно, и Ирка купила это изделие, решив сделать ему приятное.

Сегодня, садясь в машину, он посмотрел по сторонам, но не обнаружил никого из тех, что караулили его уже недели две.

«Что за номера? – подумал он, раздражаясь. – Что это за слежка? Ей-богу, еще раз увижу, морду набью!»

Пришла Ирка, плюхнулась рядом, пристроила коротко остриженную голову ему на живот и запустила руку в его джинсы.

– Ого! – Он дернулся и захохотал. С разгону она сделала ему больно. – Полегче, дорогая. Я ведь твой старый муж, а вовсе не молодой любовник!

Они долго катались по матрасу, к размерам и конструкции которого никак не могли привыкнуть, хохотали, тискались и стаскивали друг с друга одежду. Потом занимались любовью и отдыхали, сцепившись вялыми пальцами. Замерзли и грелись под одеялом, улегшись «кучкой», как это называла Ирка.

Потом заскулил терпеливый Ники.

– Я про него совсем забыл, – застонал Сергей. – Ники, извини, мой хороший, я про тебя забыл. Ну, пойдем скорей, я тебя выведу...

Делая над собой усилие, он поднялся, надел джинсы и первый попавшийся под руку свитер. Ники крутился под ногами, пихался и повизгивал. Носки искать было лень, и он сунул в кроссовки голые ноги.

– Зонт возьми! – крикнула из ванной Ирка. Шум воды заглушал ее голос. – И не ходи далеко, поздно уже!

– Ладно, – сказал Сергей и следом за обрадованной собакой сбежал по лестнице.

– Добрый вечер, Сергей Леонидович! – сказала ему Вера Игнатьевна, сторожиха, или, как принято было теперь говорить, консьержка. – Что-то вы как поздно сегодня!

– Мы про него забыли, – улыбнулся Сергей, открывая тяжелую холодную дверь на улицу. – Да я на пять минут.

Собак выгуливали в скверике напротив, и Сергей потопал туда за Ники, привычно устремившимся через дорогу. Дождь перестал, но было сыро, ветрено и неудобно, и хотелось скорее домой, в постель, под теплый Иркин бок.

– Ты как там? – спросил Сергей у Ники, пушистый хвост которого торчал из чахлах кустов. – Пописал или нет еще?

Ники что-то вынюхивал в кустах, шелестел листьями. Сергей посмотрел на небо. В рваных дырявых облаках время от времени открывалась темная холодная бездна. Голые ноги в кроссовках начинали подмерзать.

Внезапно странным отчаянным голосом взвизгнул Ники.

Сергей вздрогнул и поискал его глазами. Собаки нигде не было.

– Ники! – позвал Сергей. – Ники, ты что?!

Ни о чем не думая и ломая мокрые ветки, он бросился в кусты, где только что светилась белая кисточка.

– Ники, где ты? Да где же ты, чертова собака?!

Он споткнулся обо что-то, чуть не упал и выругался, поправляя сваливающуюся кроссовку.

Веревка плотно и безнадежно захлестнула его горло.

Еще секунду он ничего не понимал.

А потом стал сопротивляться, бешено, безумно, но тот, кто душил его, был сильнее, да и эту драгоценную секунду, единственный шанс на спасение, он потерял.

Свет стремительно темнел в глазах, и горлу было очень больно, и напоследок он подумал – как же они теперь, без него? Особенно маленький, Ваня.

И Ирка будет горевать.

Больше всего на свете он не любил расстраивать жену.

Дело сделано.

Все спокойно и тихо.

Правда, сказать он ничего не успел, потому что эта скотина доставила ему больше хлопот, чем он думал. Даже руку ободрал, хирург, гуманный и милосердный врач, каждый день кромсающий живые человеческие тела. Мерзавец.

Он еще раз удостоверился, что человек у его ног мертв.

Он порвал ему горло, пока тот извивался и корчился, надеясь спастись. А теперь лежал, уткнувшись оскаленным ртом с высунутым языком в шерсть своей мертвой собаки, как будто собирался ее укусить.

Туда тебе и дорога. Счастливого пути.

Он брезгливо бросил шнур на труп, перешагнул через него и неторопливо направился к выходу из замусоренного и загаженного собаками сквера, оставив Сергея Мерцалова остывать под вновь начавшимся дождем.

Андрей считал секунды.

Раз, два, три, четыре...

Двое вышли из машины и направились к бетонному парапету набережной. Один из них оглянулся через плечо. Глаза обежали пустынную, залитую дождем реку, тротуар в мелких пузырящихся лужах, желтый забор какой-то конторы напротив. Двое остались в машине.

...восемь, девять, десять...

Рядом шевельнулся Игорь Полевой, хладнокровный и надежный, как скала. И опять замер. Димка Мамаев держался из последних сил, возбуждение захлестывало его, переливаясь через край. Он хотел активных и решительных действий, после которых все враги окажутся поверженными, а сверкающий Димкин ботфорт будет попираť спину трусливого противника, распластавшегося на земле.

Не будет никакого кино, мальчик. И НТВ не покажет нас в программе «Криминальный дневник». Если мы не облажаемся, все пройдет без шума и пыли. И даже без стрельбы, в которой для тебя основной смысл оперативной работы. Пока.

...двенадцать, тринадцать, четырнадцать...

А вот и вторая машина. Гости прибывают точно по расписанию. В этой машине их всего двое. Оба выходят. Один закуривает, закрывая от дождя сигарету ладонями. Ладони сложены ковшиком. Тот же внимательный и короткий взгляд по сторонам.

Все спокойно.

В холодном влажном воздухе сытный кондитерский дух. Дальше по набережной – «Красный Октябрь». Сладкий конфетный запах вязнет в носу, от него невыносимо хочется курить. И есть.

...двадцать. Один, два, три...

Ребята за желтым забором подобрались и натянули маски. Андрей не мог этого видеть, но точно знал, что это так.

Может, бизнесмен Муров и не стоит их усилий, и даже скорее всего не стоит, но убийцу его они сейчас возьмут.

Четверо у парапета разговаривают спокойно. Смеются.

Ну, бог в помощь...

Двигатель ревет, и машина сразу выскакивает на тротуар, с визгом приседая перед растерянной четверкой. Двери распахнуты, и Андрей уже снаружи. Слева от него Полевой. Только Димка где-то застрял.

– Стоять! Руки на голову!!

Один из них бросается бежать, сбоку на него кидается оперативник в маске. Кто это? Андрею некогда соображать.

Ругань, глухой удар. Стон.

– Мордой в парапет, ноги!.. Ноги шире, мать твою!!

Ботинком в голень... стоять!!

Один валится на колени, другой, захрипев, перегибается через парапет.

– Руки на голову, ну!!

Мат, дождь.

Операция прошла успешно, так они напишут в отчетах.

Те двое, что остались в машине, стоят на коленях, уткнувшись лицами в капот. Тоненькая красная струйка бежит по бежевому борту щегольской иностранной машины.

Все. Конец истории. Двенадцать секунд.

– Сколько?

Это Полевой.

– Двенадцать, все нормально. Мужики, по машинам! Стволы подберите, если кто уронил!

Это шутка, и они смеются.

Андрей садится в машину, Гена Барский, водитель, хлопает его по спине.

– Ты молоток, Андрюха, мать твою! Железный опер!

Да, конечно. Он и сам знает. Все чисто, красиво, быстро и без единого выстрела. Не придется писать никаких объяснительных, и покой честных граждан не потревожен.

Неужели с тех пор, как он приехал на работу, прошло только полтора часа?! Время позволяет себе какие-то немыслимые кульбиты.

Как похолодало!

Андрей закурил.

– Дим, ты как? – спросил он, затягиваясь.

– Отлично! – ответил сзади Димка неестественно бодрым голосом.

Все ясно. Хреново, но не слишком. Какой это у него выезд? Второй вроде? Ну, для второго выезда неплохо.

Можно расслабиться и отдохнуть в теплой машине. Ехать им минут пятнадцать.

Мать твою...

Их двое, установила Клавдия. В субботу с утра до вечера за ней таскался один, а в воскресенье – другой.

Не обнаружив по дороге в булочную унылую рожу субботнего соглядата, Клавдия решила, что у нее все-таки галлюцинации. Прав майор Ларионов. В булочную ей не особенно было надо, она пошла туда только «для проверки». Второго она разглядела, выходя из вертящейся магазинной двери. В руках, как заправский конспиратор, она держала батон.

Ее сопровождающий маялся у ларька, покупал сигареты. Интересно, сколько раз в день им приходится делать вид, что они покупают сигареты, жвачку, пиво? Десять? Тридцать?

Этого она тоже видела у аптеки. И один раз у метро. Она уронила пакет с морковкой, и он на нее налетел. Но собирать морковку не помог, а понесся дальше, не оглядываясь. Клавдия тогда еще подумала неодобрительно, что джентльменов в роду человеческом совсем не осталось.

Почему-то они совсем не опасались, что в один прекрасный момент она поймет, что они таскаются именно за ней. Принимают за полную кретинку и простофилю? Конечно, у нее, наверное, вид такой, соответствующий, но только слепой в конце концов не обнаружил бы их присутствия. Или они уже очень давно за ней ходят и совершенно расслабились?

Господи, с кем же они ее перепутали?

И кто?! И зачем?!

Воскресенье прошло плохо.

Обнаружив второго, она расстроилась и перепугалась.

До похода в булочную ее страхи были просто ночной фантазией. Поводом для звонка майору Ларионову.

Когда-то она добыла его рабочий телефон и с тех пор трепетно хранила, смеясь над своим подростковым энтузиазмом. Домашний его телефон был у нее всегда. Когда в этой квартире еще жили Таня, и Елена Васильевна, и Дмитрий Андреевич, Клавдия звонила часто, наверное, каждый день. С Танькой они просто болтали, а с Еленой Васильевной обсуждали всякие житейские проблемы – что у нее с практикой, пишет ли она диплом, какая у нее будет зарплата и сделан ли наконец в общежитии давно обещанный ремонт.

Потом они переехали за город. Андрей остался в Москве, и Клавдия звонить перестала. В Отрадном у них не было московского телефона, а звонить через междугороднюю Клавдия не могла себе позволить. Это в корне подорвало бы ее бюджет.

Мифическая слежка, оказавшаяся внезапно вполне реальной, была как бы ключом, которым открывалась заветная дверца. Впервые за десять лет у Клавдии был настоящий повод позвонить Андрею. Кажется, она даже никогда не слышала, как звучит его голос по телефону.

Только теперь это был никакой не ключ. За ней действительно следили.

Звонить или подождать?

Скорее всего он опять скажет, что она бредит, и на этом разговор окончится. Что тогда делать? Идти на Петровку? И что там рассказать, на этой Петровке?

Она не слишком боялась потому, что была абсолютно уверена – парни, которые ходят за ней, совершают какую-то ошибку. Их босс еще головы с них снимет за это.

Недоглядели. Перепутали. Приняли Клавдию Ковалеву за кого-то другого. За Клаудию Шиффер, например.

На работу в понедельник за ней потащился первый. Только теперь он был не в полосатой рубашке, а в клетчатой. Она засекла его у дома и потом на лавочке в школьном дворе, напротив аптеки.

Увидев его внимательную спину, уже ставшую знакомой, Клавдия отошла от окна и присела на шаткий стульчик. Ей нужно было подумать.

Надо же, все-таки она была уверена, что недоразумение, по которому эти парни взялись следить за ней, вот-вот разрешится. Тем не менее он здесь, тот, кто сопел ей в ухо в электричке

и покуривал на мостике в Отрадном. Может, подойти и сказать, что она вовсе не та, кто ему нужен? Что она всего лишь Клавдия Ковалева, провизор, аптечный работник, сирота, владелица четырех «хрущевских» стен, цветного телевизора Сени и жидкого полушубка из искусственного меха. Ничего другого у нее просто нет.

Вы ошибаетесь, ребята!

Она не слишком боялась еще и потому, что выросла в детдоме. Она никогда не была барышней, нежным созданием и «цветком в пустыне». Даже когда ей было восемнадцать лет. Она умела постоять за себя, потому что, если б не умела, ее давно уже не было бы в живых. Она ненавидела темноту, вздрагивала от резких звуков, опрометью неслась домой от автобуса, когда работала во вторую смену, стараясь не думать о подстерегающих ее в ночи маньяках. Но, пожалуй, ни один маньяк не ушел бы без потерь, решился он в самом деле напасть на Клавдию Ковалеву.

Возможно, она и не победила бы, но боролась бы до конца.

В романе, который она закончила читать в воскресенье, отважный полицейский как раз выручал барышню. По кварталу разгуливал полоумный насильник, а барышню понесло на вечернюю прогулку. Герою ничего не оставалось делать, как пристрелить маньяка и прижать барышню к могучей полицейской груди. В самом деле, не бросать же ее на произвол судьбы. Клавдии такие истории нравились.

Но она всерьез опасалась, что отважный полицейский из ее романа не кинется ей на выручку, а в лучшем случае посоветует отнести участковому заявление. После чего зевнет и скажет, что у него был трудный день и он хочет спать, как зараза. Иногда он так выражался.

Ты что-то еще хотела сказать, Клава?

Клавдия вытянула шею и со своего места на стульчике вновь увидела соглядатая. Теперь он читал газету.

Наверное, нужно позвонить Таньке и обсудить это с ней. Танька умная, она что-нибудь посоветует. А звонок Андрею приберечь на черный день. Повод-то у нее был всего один...

До начала рабочего дня оставалось двадцать минут, и Клавдия встрепенулась. Она всегда пила перед работой чашку кофе, сидя в одиночестве и покое на маленькой и чистой аптечной кухоньке. Веники – два! – стояли у двери в директорский кабинет, стыдливо прикрытые газеткой. Добавив пятерку из собственных денег, Клавдия купила и «Пемоксоль» для чистки посуды и теперь раздумывала, попросить у Варвары Алексеевны пятерку обратно или сыграть в благородство и сказать, что все покупки сделаны на пятьдесят рублей? Пятерка таким образом будет утрачена навсегда, зато заведующая Клавдию похвалит...

Заглянула уборщица и спросила презрительно:

– Ты, что ль, веники купила, которые у кабинета стоят?

Клавдия кивнула, старательно дуя на кофе.

– Все прислуживаешь, – помолчав, выдала уборщица. – Все за начальством ухаживаешь...

Она была неплохая девка, но неустроенная и от этого сердитая.

– Чего же не поухаживать, если начальство хорошее? – спросила Клавдия спокойно.

Уборщица, которая отвергла идею покупки веника как недостойную, когда начальница ее об этом попросила, в сердцах швырнула на вешалку чистое полотенце и затопала в коридор.

– Нина, открывай! – закричала в зале заместительница Наталья Васильевна. – Без пяти!

Клавдия одним глотком допила кофе и заторопилась в торговый зал, еще девственно чистый и нетронутый после утренней уборки. Ее рабочее место было сразу при входе в аптеку. Она поздоровалась с Ниной, работающей за вторым столом, проверила все свои ящики, ручки, калькулятор и пластмассовую коробку для рецептов. Все было в порядке.

Ей очень не хотелось смотреть. Работу нужно начинать в хорошем настроении, только тогда работать будет хорошо. И все-таки она взглянула в окно. Соглядатай был на месте.

Черт бы его побрал.

– Убийство, Андрей, – сказал эксперт Борис Семенович. Он увидел Андрея издалека и пошел ему навстречу. – Тебе уже сказали?

– Сказали – тело. – Андрей зевнул и сунул руки в карманы. Ночью он почти не спал, думал о сегодняшнем задержании и теперь мерзнет, зевает и курит уже вторую пачку. – Мужчина, женщина?

– Мужик, – ответил эксперт. – Молодой. Дай сигарету, что ли.

Андрей вытащил из кармана «Мальборо».

– Нет, браток, – сказал Борис Семенович и засмеялся мелким рассыпчатым смехом. – Эти ваши «Лайты» я курить не могу. Фикция, а не сигареты. Пойду у ребят чего посолиднее стрельну.

– Далеко не уходи, Борис Семенович! – вслед попросил Андрей.

– Да я тебе там не нужен, – сказал эксперт серьезно. – Ладно, не пойду.

Игорь Полевой и Ольга Дружинина, капитанша из их отдела, негромко разговаривали в сторонке, патрульная машина взблескивала сквозь дождь синей запыленной мигалкой.

– Выключили бы, – сказал Андрей водителю, проходя мимо. – Привет, Ольгунь.

– Привет, – сказала Ольга и потянулась, чтобы поцеловать его в щеку. – Ну как вы сегодня? Без пальбы, говорят?

– Без пальбы, – согласился Андрей. – Вы давно приехали?

– Минут двадцать назад, – отозвался Игорь.

Андрей присел на корточки, откинул темную ткань, прикрывающую тело.

– Вертка сверху валялась, на нем, – сказала Ольга. – Ее Семеныч забрал и упаковал уже.

– Кто его нашел? – спросил Андрей, осторожно перемещаясь так, чтобы рассмотреть лицо. – Патруль?

– Нет. Утром дедуля вышел с собакой, ну и... Собака нашла. Тут все местные собачники гуляют, так я понимаю, – сказал Игорь. – Семеныч говорит, он часов шесть точно пролежал. Мог бы и дольше пролежать. Видишь место какое – с бульвара не видно и из сквера тоже.

Андрей хмуро посмотрел на грязную голубоватую ступню. Ее мочил дождь, и почему-то Андрею это было неприятно. Он потянулся и закрыл мертвую ногу тканью.

– Где дедуля, который его нашел? Ты с ним говорил?

– Нет пока. Он в шоке почти что, – Игорь ткнул сигаретой в сторону второй машины. – Вон в машине. Ольга ему даже кофе наливала.

– Конечно, наливала, – встрепнулась Ольга. – Он старенький совсем, ему трупы небось только во сне снились...

В одной из машин припадочно захрипела и захрюкала рация. Ольга пошла к ней.

– Он откуда-то из этих домов, – сказал Игорь. – С собакой гулял. Видишь, даже носки не надел. Сейчас быстро проверим, может, кто звонил, сообщал, что он домой не вернулся.

– Озадачь Диму, а? Пусть из магазина позвонит. – попросил Андрей. Он поднялся с корточек и обошел тело. – А вторая кроссовка где? Нашли?

– Да чего ее искать-то? Вон в кустах лежит. Я не трогал, тебя дождался.

– Собака залаяла, что ли? – вслух подумал Андрей. – Или он ее сначала замочил?

– Почему ты думаешь, что это он? – спросил Игорь. – Может, она?

– Интуиция, – сказал Андрей и ухмыльнулся. – Семеныч, это он или она?

Эксперт с удовольствием курил какую-то махорку, неизвестно где добытую, и вокруг него висело плотное, вонючее облако.

– Вот это? – переспросил эксперт. – Это, без сомнения, он, дорогой мой Андрей Дмитриевич. Но если ты хочешь, чтобы я тебе моментально сообщил, кто это его так уделал, то не на того попал. Ничего я тебе не сообщу. Теоретически, конечно, со здоровым мужиком может

сладить только здоровый мужик, ну а практически человеческие возможности ничем не ограничены. Может, и она. Но только такая... монументальная она.

Семеныч был замечательный эксперт, один из лучших в управлении. Больше всего Андрей любил работать именно с ним. Он никогда не капризничал, не ленился, не учил оперативников жить, и всезнайский тон был ему несвойствен.

– А ты сможешь установить, кто все-таки, он или она? – спросил Андрей. – Практически, а не теоретически? Под ногтями у него явно чья-то кровь. И кожа.

– Всему свое время, Андрюша, – сказал эксперт добродушно. – В лаборатории все посмотрим. Да ты не переживай, я быстро работаю.

Это была такая корпоративная шутка, неизвестно когда и неизвестно из чего родившаяся, но все засмеялись.

– Следов нет, – сам себе сказал Андрей. – Вернее, конечно, они когда-то были, но после мужика с собакой и любопытных...

– Ольга вызвала нашу собачку, – сказал Игорь, отряхивая с куртки дождевые капли. – Может, она нас приведет куда...

– Знаю, куда она нас приведет. На бульвар, где у него была машина, – пробормотал Андрей. – Или у нее, что, как говорит наш эксперт, теоретически возможно. Да и дождь всю ночь наяривал... Но чем черт не шутит...

Из магазина на другой стороне бульвара выскочил Дима Мамаев и быстро перебежал дорогу. У него было возбужденно-сосредоточенное лицо.

– Нашел что-то, – сказал Андрей и посмотрел на Игоря.

– Есть, Андрей Дмитриевич! – переходя на шаг, издали крикнул Дима. – Есть!!

Народу в этот день в аптеке было непривычно много.

Отвыкли за лето. Расслабились.

Осень загнала людей в город, а дождь заставил всех вспомнить о том, что после летней свободы наконец-то настало время поболеть.

– Ничего наш народ не любит так сильно, как лечиться, – со вздохом сказала Варвара Алексеевна, приостанавливаясь около Клавдии. – Да, Клава? Ну, нам-то от этого только польза, у нас товарооборот возрастает.

– Возрастает, Варвара Алексеевна, – тут же согласилась Клавдия.

В стеклянные двери входила следующая партия покупателей – две старушки в мокрых плащах и молодой мужчина с мобильным телефоном, притиснутым к уху.

– Вот он нам сейчас товарооборот и повысит, – так, чтобы слышала только заведующая, пробормотала Клавдия. И они улыбнулись друг другу понимающими улыбками.

Клавдия была профессионалом. Она всегда знала, *кому* и *что* нужно предлагать. Кому красногорский аспирин за четыре восемьдесят и парацетамол за два пятьдесят, а кому лорейн за пятьдесят три рубля и особое массажное масло, отлично помогающее от целлюлита, за две-сти десять.

– Давай, давай, – подбодрила заведующая. – Зарабатывай премию. Новый год скоро.

Она всегда так говорила. Первого мая она утверждала, что скоро Седьмое ноября, а Седьмого ноября, что скоро Первое мая.

– Мне бы от насморка что-нибудь, – пробубнил обладатель мобильного телефона, не отнимая трубку от уха. – Только чтобы помогало.

– Капли или таблетки? – уточнила Клавдия, поворачиваясь к своему стеллажу.

– Откуда я знаю, капли или таблетки, девушка! – сказал «телефонист» с досадой. – Нет, это я не тебе, – пояснил он в телефон. – Я в аптеке. Что-то расклеился совсем...

– Здравствуйте, Клавочка, – ласково проговорила из-за его спины одна из старушек. – Мы опять к вам.

Клавдия улыбнулась в сторону старушек и выложила на прилавок, к окошку, две невозможной красоты коробки – с таблетками и каплями в нос.

– Вот это капать, – сказала она мужчине. – А вот это глотать. Возьмете?

В его простуженных глазах внезапно появился интерес, вызванный, очевидно, надеждой на спасение.

– Да, конечно, – сказал он, с вождением глядя на коробочки. – Сколько с меня?

– Сто тридцать один восемьдесят, – объявила Клавдия.

Она давно заметила, что лекарства часто производят на людей совершенно магическое впечатление. Только взглянув на коробку, человек начинает верить, что уж это-то обязательно поможет. Не может не помочь. Вон какая солидная упаковка, и как красиво все на ней написано. Нужно только быстро все это съесть и выпить, и я буду как новенький...

– А чтобы капать, нужна эта самая... как ее... – Мужчина замялся, вспоминая.

– Пипетка, – догадалась Клавдия. – Нет. Там такой флакончик со специальной насадкой. Вы сразу можете закапать, и станет легче.

– Спасибо, – поблагодарил телефонный страдалец и рассовал по карманам свои приобретения. Он никак не мог расстаться со своей трубкой и, отступая, налетел на старушек, которые, как куры в курятнике, взволнованно метнулись в стороны, давая ему дорогу.

– Господи Иисусе, – пробормотала одна из них неодобрительно, – какие все нынче стали стремительные...

Это были две постоянные покупательницы, подруги, жившие, насколько знала Клавдия, на улице Чехова. Наталья Ивановна заходила к ним чуть не каждый день, а Ашхен Арутюновна довольно редко. Ей лекарства, как правило, покупал зять, точно такой же беспокойный до крайности мужчина с неизменным мобильным телефоном.

– Рада вас видеть, Клавочка, – сказала Наталья Ивановна церемонно. – Как погода, не действует на вас?

– Как на нее может действовать погода? – темпераментно перебила Ашхен Арутюновна. – Сколько ей лет, по-вашему? Шестьдесят? Семьдесят?

– Ашхен, я совсем не то имела в виду, – поворачиваясь к подруге, начала Наталья Ивановна. – Просто от такого... активного начала осени у всех плохое настроение, и я спросила Клавочку как раз об этом.

– У меня превосходное настроение! – заявила боевая Ашхен. – Исключительное. Отличное. И вам я не советую киснуть.

Клавдия улыбнулась несколько принужденно. Ей нужно было работать, а не выслушивать их милые препирательства, но остановить их она не решалась. Эти старухи были... свои, аптечные, такие же обязательные и постоянные, как вывеска над высоким крылечком и стойкий приятный запах лекарств.

Они препирались еще некоторое время, а потом все-таки повернули к Клавдии негодующие физиономии. Обе были очень недовольны друг другом.

– Что вы сегодня берете? – спросила Клавдия. За старухами уже собралась некоторая очередь.

Наталья Ивановна взяла обычный набор сердечных средств и крем для рук, а Ашхен снотворное, «Доктор Мом» для внука и бальзам Биттнера.

– Спасибо, приходите еще! – Провожая их, все еще что-то друг другу объясняющих, Клавдия ненароком взглянула в окно.

Под деревьями его не было, и Клавдия чуть не подпрыгнула от счастья.

Разобрались? Ушли?

– Прошу прощения, – извинилась она перед следующим покупателем, метнулась к окну и чуть ли не до пояса втиснулась в глубокую нишу.

Конечно, он не ушел. Он шатался по переулку. Клавдия увидела его не сразу, а когда увидела, то поняла, как сильно надеялась на то, что ее соглядатай испарился. Даже слезы навернулись.

Кому и какого черта ему от нее нужно?

Уходи отсюда! Проваливай! Отправляйся следить за кем-то, кто вам действительно нужен!

Он медленно повернулся и направился в сторону Садового кольца.

– Девушка! – позвали сзади. – Нельзя ли побыстрее?

Клавдия слезла с подоконника и стыдливо одернула халат.

– Извините, – пробормотала она. – Я вас слушаю.

– Сергей Мерцалов, – задыхаясь от собственной оперативной смекалки, доложил Дима. – Он живет в доме напротив. Адрес: Хохловский переулок, дом пять, квартира сорок. Вчера сразу после двенадцати ушел гулять с собакой и не вернулся. Был одет...

– Подожди, – перебил Андрей, и сердце вдруг ударило сильнее. – Как, ты сказал, его зовут?

– Сергей Мерцалов, – сверяясь с блокнотом, ответил Димка. – А что? Что-то не так? Нет, вы не подумайте, Андрей Дмитриевич, я же не утверждаю, что это он... Просто он подходит – живет напротив, тридцать пять лет, собака у него, рыжая колли... И вчера домой не вернулся...

Но Андрей не слушал Диму Мамаева.

«Ты помнишь Иру Мерцалову? – спросила бывшая жена, и он услышал ее так, как будто она снова говорила с ним по телефону, а он мучился от головной боли. – Мы вместе работали когда-то, я тебе про нее много рассказывала. Ну, у нее еще такой потрясающий муж, Сережа, ну я тебе говорила.... Сережа – очень, о-очень известный врач. С мировым именем. Ирочка позвонила именно мне потому, что не знала, что мы с тобой развелись. Она просила помочь... Сереже с недавних пор кажется, что за ним кто-то следит...»

«Как я тогда ответил? Когда кажется, креститься нужно?»

«Ты должен разобраться в ситуации. Поговорить с ним, выяснить, кто за ним следит и почему. Сережа ничего не выдумывает, поверь мне...»

Лучше бы выдумывал.

– Ольга, сходи по адресу, – распорядился Андрей. – Игорек, мне нужно тебе два слова сказать.

То, что осталось от человека и его собаки, уже собирались увозить. Там не спеша двигались санитары, и мигалка снова работала. Как будто «Скорая» могла чем-то помочь Сергею Мерцалову.

– Что, Андрей?

– В субботу с утра мне звонила моя бывшая... – начал Андрей.

– После той поддачи? – развеселился Игорь.

– После нее, – кивнул Андрей. – Она что-то долго несла, не имеющее отношения к жизни, а потом сказала, что ее коллега, детская врачиха Ира Мерцалова очень беспокоится за мужа. Мужу кажется, что за ним следят. – Игорь длинно свистнул. Андрей втянул в легкие дым. – Мужа зовут Сергей Мерцалов, и он какой-то там суперврач. Она хотела, чтобы я... разобрался...

– Ну да, – кивнул Игорь. – А она не хотела, чтобы ты к нему в телохранители поступил?

– Я сказал, чтобы они обращались в частную контору, – продолжил Андрей. Сигаретный дым прилипал к языку, обволакивал его непривычной, отвратительной горечью. – И поменьше телевизор смотрели. Выходит, не прав я был.

Игорь посмотрел на него внимательней.

– Выходит, не прав, – согласился он осторожно. – И что из того? Ты чего, собираешься по этому поводу убиваться «за дорогим покойником, как за родным братом»? И может еще, это и не Мерцалов никакой.

– Мерцалов, – сказал Андрей. – Это я тебе точно говорю. Пойдем дедулю порасспросим.

«Ты должен разобраться в ситуации. Поговорить с ним, выяснить, кто за ним следит и почему...»

Он ничего и никому не был должен. Ни разбираться, ни выяснять. Еще не хватает, чтобы оперативники взялись проверять всякие идиотские подозрения!

Андрей швырнул сигарету в лужу. Она зашипела, испустив напоследок тонкую струйку синего дыма, которую дождь тут же прибил к земле.

Андрей даже не стал слушать бывшую жену, не то что вникать в чужие проблемы. И мужика убили в двух шагах от собственного дома. Но если он что-то там подозревал, значит, нужно было проявить хотя бы минимум осторожности!

Твою мать...

Внезапно все это перестало быть работой. Как будто он всю жизнь дружил с неизвестным Сергеем Мерцаловым, играл в одной песочнице, сидел за одной партой и делил первую сигарету.

С Андреем за десять лет службы такое случилось в первый раз. Он слышал от мужиков, что иногда такое бывает, но никогда не испытывал на собственной шкуре.

Лучше бы и дальше не испытывал.

Ему всегда были чужды высокие материи, и словосочетание «дело, которому ты служишь», вызывало в нем раздражение и недоверие. Никогда он не думал, что чему-то там служит. Он делал то, что у него получалось лучше всего. Гораздо лучше, чем, например, проникновение в основы древнеримского права. А в университете он только и занимался тем, что проникал в основы неизвестно чего.

«Если бы я в субботу поехал и встретился с ним, сейчас он был бы жив. Или не был?»

Морщась, как от сильной зубной боли, Андрей дернул дверцу милицейских «Жигулей» и сел на заднее сиденье, рядом с пожилым мужчиной в сером плаще.

– Здравсьте, – сказал Андрей и сунул ему под нос удостоверение. – Майор Ларионов.

Мужчина с некоторым испугом покосился на открытое удостоверение и замигал глазами. «Небось без очков ничего не видит», – подумал Андрей.

– Здравствуйте, товарищ майор, – пробормотал мужчина. – Доброе утро.

Андрей усмехнулся.

– Как вас зовут?

– Белов Владимир Иванович, – с готовностью сообщил мужчина. – Ваши... коллеги уже все записали.

– Расскажите мне, как вы его нашли, – скучным голосом попросил Андрей.

В крышу машины усыпляюще стучал дождь. Андрей судорожно зевнул, не разжимая челюстей. Почему-то ему ужасно не хотелось слушать Белова Владимира Ивановича.

– В шесть часов... ну, может, минут в пять седьмого я вышел погулять с Норой. Нора – это наша такса. – Он как-то неловко подвинулся на сиденье, и Андрей вдруг увидел на полу длинную печальную спину, свисающие до резинового коврика уши и грустные глаза. – Да, так вот...

– Простите, – перебил Андрей, – где вы живете?

И старательно записал адрес. В другой стороне от Хохловского переулка. Мерцалова он вполне мог и не знать, особенно если они выводили собак в разное время.

– Мы пришли сюда... идти нам минут шесть... и вошли в скверик вон там, видите, где выломана решетка. Мы всегда там заходим. Вот, мы зашли, и Нора стала бегать, а я пошел в эту сторону...

Он очень старался ничего не упустить, пенсионер Белов Владимир Иванович, хотя вид у него был растерянный и глубоко несчастный. И – Андрей заметил – он мучительно отодвигал и отодвигал тот момент, когда нужно будет рассказать, как он увидел труп.

– ...Я постоял вон там, у лавочки, хотел сесть, но она была совсем мокрая, а мне теперь трудно подолгу стоять...

Андрей не торопил его, понимая, что ему нужно собраться с духом.

– И вот тогда Нора... залаяла. Она лаяла так отчаянно, я никогда не слышал, чтобы наша собака так лаяла. Просто припадок какой-то... Я подошел к ней, она, знаете, даже хрипела, и стал ее уговаривать. Я думал, она нашла мертвую кошку или птицу... На войне я слышал, как лают собаки, когда чувствуют мертвого...

Андрей снова посмотрел на Нору, которой тоже сегодня досталось. Она-то не была на работе и не могла утешить себя тем, что выполняет свой долг. Спина собаки напряглась, глаза похолодели. Она явно понимала, о чем говорит хозяин.

– Я нагнулся, чтобы оттащить ее, и тут увидел... – Пенсионер Белов переглотнул и, как-то странно сжавшись, вдруг осторожно попросил Андрея: – Дайте закурить, молодой человек. То есть товарищ майор. Не поверите, последний раз курил в Восточной Пруссии.

– Кенигсберг брали? – спросил Андрей, доставая сигарету.

– Пилау, – сказал Белов. – Старший лейтенант запаса. Танкист. Немец тогда тараном шел. Спасались... Как мы к морю прорвались, так решил – все, брошу курить. Выбросил окурочек в Балтийское море, НЗ ребятам раздал... И не курил больше никогда.

– Понятно, – сказал Андрей.

Милая капитанша Ольгуня Дружинина была уверена, что этот перепуганный старикашка трупы видел только в кино. Ошиблась. Наверное, пенсионер Белов в своей жизни видел столько трупов, сколько не видели все они, вместе взятые.

– Ну вот, – пенсионер тяжело вздохнул, понимая, что отступать больше некуда и придется договаривать до конца. – Я увидел ногу. И как-то сразу понял, что это... мертвый. Не божь, который прилег отдохнуть, не пьяный из соседнего гастронома. А именно труп. Ну, вы понимаете...

Андрей понимал.

– Нора прямо заходилась, но я все-таки заглянул поглубже и увидел... все, до конца...

– Вы ничего не трогали, не перекладывали его? Собака не подходила?

Пенсионер печально взглянул на Андрея:

– Собака была в истерике. Я не подходил потому, что... меня сильно затошнило, и я понял, что ничем не смогу ему помочь. Понимаете, он был совершенно мертвый. Абсолютно. Совсем.

– Что вы сделали?

– Я взял Нору на руки, – он закрыл глаза. – Магазины все закрыты. Людей нет, рано еще... Мы привыкли с Норой рано гулять... Телефон на углу, видите? Но он такой, карточный... Милицию не вызовешь...

– Почему? – спросил Андрей. – Вызовешь. Все карточные телефоны 01, 02 и 03 соединяют бесплатно.

– Да что вы? – совершенно искренне удивился пенсионер Белов. И добавил растерянно: – Я не знал. Честное слово, я был уверен, что нет... Просто это все такое... чужое, такое... Новое. Все эти карточные телефоны... А такая карточка в метро стоит сто рублей.

Андрей хотел сказать, что сто пятьдесят, и не стал.

– Я все-таки побежал к тому телефону. Кроме того, там более оживленная улица, по ней уже шли машины, я надеялся, что смогу кого-нибудь остановить... Нора была у меня на руках. Я добежал почти до угла, когда из переулочка вышел какой-то человек с портфелем. Я остановил его...

– Стоп, – сказал Андрей. – Из какого переулка?

– Из Хохловского, – пояснил Белов. – Ну вот, он вышел, и я попросил у него телефон, чтобы позвонить в милицию...

– Почему вы попросили у него телефон? Откуда вы знали, что у него есть телефон?

– Да боже мой, он держал его в руке! – терпеливо объяснил пенсионер. – В одной руке у него был телефон, а в другой портфель. Я закричал, что там в кустах – труп и нужно срочно позвонить. Он не сразу согласился, понимаете? Сначала он думал, что я не в себе, и что-то говорил мне, вроде «иди проспись», но я настаивал. Я боялся, что он уйдет и не даст мне позвонить. Тогда я сказал, чтобы он сам пошел и посмотрел, и он, как бы это сказать... заинтересовался.

– Заинтересовался, – повторил Андрей. Теперь он слушал очень внимательно.

Он вообще умел слушать так, что собеседнику обычно хотелось рассказать майору Ларионову как можно больше. Пожаловаться. Понегодовать. Похвастаться. Поделиться. Вспомнить случаи, произошедшие в детском саду и на танцах в пионерлагере.

Так слушать его научила мать, твердо верившая в то, что ключ к любому успеху лежит в умении выслушать собеседника.

– Он сказал: «Покажи». Мы с Норой повели его сюда. Нора опять забеспокоилась, хотя сидела у меня на руках, а он заглянул в кусты, тоже с дорожки, там же, где заглядывал и я. Он посмотрел, потом выпрямился и быстро отошел. И там, под липой, он... того... Вырвало его... Но телефон он мне дал. Он сам набрал номер и, когда соединилось, дал мне. И я вызвал милицию. Вот и все...

– А куда девался хозяин телефона? – спросил Андрей.

– А он... ушел, знаете ли. Как только я вызвал милицию, он сразу же ушел. – Пенсионер смутился. – А что? Я сделал что-то не так, да? Мне не стоило его отпускать? Кстати, я подумал об этом, но уже поздно... Когда он за угол сворачивал...

– За какой угол?

– Да все за тот же. В Хохловский.

– Нет, подождите, – сказал Андрей. Этот обладатель мобильного телефона был ему интересен. – Вы только что сказали, что он *вышел* из Хохловского переулка. И ушел в него же?

– Да-да! – подтвердил пенсионер уверенно. – Знаете, товарищ майор, я сам обратил на это внимание. Как будто он забыл, куда шел. Он очень быстро вернулся обратно и свернул в переулок.

– Понятно, – сказал Андрей. – Как он выглядел?

– Да... как все... – подумав, сказал пенсионер Белов и вдруг улыбнулся. У него были крепкие белые зубы. Явно свои, а не американские. – Как все обладатели мобильных телефонов.

Андрей тоже развеселился.

Это был чудный пенсионер, не истерик, не трус, не болван. Идеальный свидетель. Странно было питать какие-то чувства к свидетелю, но он искренне нравился Андрею. Наверное, с ним хорошо выпить водки и поговорить про то, как наши штурмовали Кенигсберг – или что там? Пилау? – как прорывались к морю немцы, как все было тогда: не показанное в кино, не снятое операторами, тайное, темное, многотрудное дело – война. Похоже, ему можно верить, старшему лейтенанту запаса, танкисту Белову. Не наврет, не приукрасит, не добавит от себя «для красоты». Хороший мужик.

– И как выглядят обладатели мобильных телефонов? И конкретно этот?

Пенсионер суетливо затолкал окурки в переполненную пепельницу на двери машины и посмотрел на Андрея. Андрей протянул ему пачку и щелкнул зажигалкой. Пенсионер затянулся и уважительно покосился на зажигалку. У Андрея была шикарная зажигалка, подарок жены, привезенная из Парижа с какого-то психотерапевтического конгресса.

– Дайте вспомнить... – пробормотал пенсионер Белов. – Он такой... ваших лет...

– Каких моих? – перебил Андрей. – Тридцать пять? Сорок?

– Скорее сорок, – подумав, сообщил пенсионер. – Но ниже вас и, как бы это сказать... рыхлее, что ли... Но не толстый. Впрочем, он был в длинном плаще, а под ним особенно не разберешь... Ну, упитанный такой. Плащ черный и шарф... сложной расцветки, модный. Портфель.

– Цвет волос, глаз?

– Глаз я не разглядел, товарищ майор, – сказал пенсионер виновато. – Брюнет. Именно брюнет, а не шатен. И еще он был такой... свежевыбритый. У брюнетов щеки после бритья всегда малость синевой отливают, и у него они отливали, я заметил. Он когда труп увидел, побледнел весь, а щеки синие остались...

– Каких-нибудь колец на пальцах или шрамов не заметили? – спросил Андрей. Это была полная безнадега. Редко у кого имеются приметные шрамы, на кольца, как правило, не обращают внимания, особенно пенсионеры.

А этого типа с мобильным телефоном придется искать. Ох, придется...

– Кольцо не заметил, шрамов тоже, – доложил пенсионер уверенно. – У него татуировка была. На четырех пальцах. Я заметил, когда он телефон держал. Такая едва видная, как будто очень старая или...

– Или сведенная, – подсказал Андрей.

– Да-да! – воскликнул пенсионер. – Написано было «Женя», на каждом пальце по букве, а на среднем еще какая-то загогулина...

Андрей записал: «Женя».

– Машину поблизости не видели? Не ждала его машина?

– Нет, машины не было, – сказал пенсионер, старательно вспоминая. – В переулке, может, и была, но я в переулок не заглядывал.

Значит, подытожил Андрей про себя, минут в пятнадцать седьмого из Хохловского переулка вышел Женя с татуировкой на пальцах и мобильным телефоном в руке. Он увидел труп, и его вырвало. Но милицию он все же вызвал и ушел почему-то обратно в Хохловский переулок.

– Спасибо, – сказал Андрей. – Спасибо, вы мне очень помогли. Наверное, вам придется подъехать на Петровку, составим портрет этого вашего Жени. Хорошо?

– Вы думаете, что он... – пробормотал пенсионер, – он мог... сам сделать это?

– Я не знаю, – сказал Андрей честно. – Посмотрим. Спросим...

В зеркале заднего вида вдруг что-то мелькнуло, и он стремительно оглянулся назад.

Кто-то бежал наискосок через сквер, странно виляя и чуть не падая. Из-за дождя было не разобрать – кто. И еще кто-то бежал сзади, но догнать бегущего впереди не мог.

– Что там? – спросил пенсионер с жадным любопытством, вытягивая худую морщинистую шею.

Андрей уже понял – что.

– Игорь! – заорал он, распахивая дверь машины и чуть не вываливаясь наружу. – Игорь, не пускай ее туда!!

Полевой растерянно оглянулся, но, как и Андрей, он был слишком далеко.

Она уже добежала, остановилась, глядя вниз, где все еще лежала залитая кровью собака, потом как-то странно села на землю и медленно завалилась на бок.

Андрей уже почти добежал до нее.

Дозвониться удалось с большим трудом. Он даже стал нервничать. А нервничая, он всегда орал на секретаршу и очень много ел.

В половине десятого он в двадцатый раз выглянул в приемную. Секретарша взглянула на него со стоическим смирением монаха первых лет христианства, которого нечестивые язычники уже поволокли на костер.

– Ну что? – спросил он, раздражаясь от одного ее вида.

– Еще нет, Евгений Васильевич, – сообщила секретарша голосом первой ученицы, незаслуженно получившей двойку. – Мобильный не отвечает, дома нет, до офиса еще не доехал.

– В офисе знают, где он может быть?

– Нет. Говорят, что к десяти подъедет.

Шеф зарычал и начал помаленьку наливать кровью, как постепенно наедающийся комар.

– Для чего я плачу вам зарплату, если вы не можете выполнить элементарных требований? – начал он, и секретарша со внутренним вздохом поняла, что собирается большая гроза. Придется перетерпеть. Пустить слезу. Написать заявление об уходе. Разлить около кресла вало-кордин, чтобы целый день в офисе пахло больницей и ее страданиями.

Переживем. И не такое переживали. Завтра будет прощения просить, каяться, ссылаться на расшатанные нервы, на постоянные стрессы и нагрузку. А я еще подумаю, простить тебя сразу или поломаться немножко. Ишь, взял манеру орать на нее, как на уличную девчонку. Кому ты нужен, вечно недовольный, жадный, капризный и почти ни на что не годный в постели? Добро бы денег было много, а то так... серединка на половинку. То густо, то пусто. Бросить он ее, конечно, не бросит, что бы ни вопил. Новую искать – силы нужны и здоровье. Опять же лень непроходимую победить придется, а на это мы уж точно не способны.

Нет, не боялась секретарша своего босса. Но зарыдать для видимости стоило.

– Я не виновата, что он выключил мобильный. – Глаза ее наполнились хрустально чистыми слезами, и одна из них аккуратно капнула на стол, не попав ни на бумаги, ни на клавиатуру компьютера.

– А кто виноват?! – заорал шеф. – Я?! Я тебя с восьми утра прошу, найди мне одного или другого, и только и слышу, что у них мобильные выключены!! А если бы у них не было мобильных?!

– Как это... не было бы? – искренне заинтересовалась секретарша. Людей без мобильных телефонов для нее просто не существовало. Может, они, конечно, где и были, но для чего предназначались и как ими пользоваться, она не знала.

– Да так! – пуще прежнего наддал босс, выскочил из-за двери и в порыве начальственного энтузиазма стукнул кулаком по столу. – Если в течение пятнадцати минут я не дождусь разговора, можете считать себя уволенной. Только вначале поедете на Таганку и разберетесь, что там с мобильными телефонами! И не ревите! Я хорошо знаю все ваши бабские штучки! Но здесь вам не бордель, а офис! Здесь нужно головой работать, а не...

Вот это он зря, пожалуй. Сотрудников у них немного, но наверняка все давно уже слушают под дверь. Наслаждаются. Разговоров теперь не оберешься. И Мурке доложат, конечно, как в прошлый раз доложили, когда он вместо работы в баню поехал. Зря, зря... И на извинения придется потратить вдвое больше времени, чем обычно. Теперь надуется, будет рожу кривить, подарков каких-нибудь потребует.

Вот жизнь! Мечешься, крутишься, здоровье гроишь, башку подставляешь, а бабы все одно помыкают как хотят.

От этой мысли он вновь пришел в спасительную ярость, пнул ногой кресло, забежал в кабинет и закричал уже оттуда:

– Кофе хоть сварите. И бутербродов дайте! Я сегодня не завтракал даже!!

Надувшись, он барабанил пальцами по столу, когда, легонько постучав, секретарша внесла поднос с кофе и множеством тарелочек.

– Пирожное уберите! – приказал он брюзгливо. В последнее время он начал стремительно поправляться и поэтому старался ограничивать калории, а в этом пирожном их было, наверное, сотни или тысячи. Сложив губки куриной гузкой, секретарша забрала с подноса пирожное, налила кофе и покинула кабинет. Не вышла, а именно покинула.

Да уж, придется ему попотеть, восстанавливая разрушенные бурей линии электропередачи...

Но он ничего не мог с собой поделать.

С той самой минуты, как он увидел в кустах труп этого несчастного врачешки, у него словно бы помутилось в голове. Конечно, врача ему жалко не было. Что хотел, то и получил, поганец, но трудно было предположить, что события примут столь... интенсивный характер. И так скоро! Нужно было срочно разобраться, выяснить и предупредить, а у нее, видите ли, мобильные не отвечают! Дура.

Из окна квартиры он видел, как подъехали менты, как под дождем они лениво толпились возле тела, как потом санитары грузили в фургон темный мешок. Небрежно и неуважительно, как будто не человек там был, а картошка. Ох, не хотел бы он, чтобы однажды и его так же погрузили в невзрачную труповозку... Черт принес этого дедка, выскочившего прямо на него! А не позвонить в милицию он не мог. Дедок небось крик бы поднял такой, что пол-Москвы сбежалось бы разбираться...

Неожиданный звонок селектора заставил его вздрогнуть. Он посмотрел на него, как на врага, и нажал кнопку.

– Евгений Васильевич, Юрий Петрович на первой линии, – доложила секретарша. – Соединить?

– Да, черт возьми! – гаркнул он. – Соединяйте!

– Ты че, Евгеш? – насмешливо спросил в трубке знакомый голос. – Вчера не допил, что ль? Весь мой офис на ноги поставил с утра пораньше.

– Я тебе сейчас на мобильный перезвоню, – сказал он. – А то вдруг чего...

– Ну ты даешь, – сказали в трубке. – Случилось что?

– Перезвоню, говорю, – повторил он нетерпеливо, хотя с этим человеком следовало разговаривать уважительно и даже с некоторой долей почтительности. – Не занимай его.

– Да на х... он мне нужен, занимать его, – ответил собеседник, и Евгений Васильевич уловил в его голосе тревогу.

Это было приятно. По крайней мере сознание того, что он знал нечто такое, чего еще не знал его собеседник при всей своей всесильности, заставляло его чувствовать себя значительным и умным.

Он набрал знакомый номер. Ему тотчас же ответили.

– Ну что там у тебя?

– Сегодня утром у нас в сквере нашли труп того врача, – без предисловий бухнул Евгений Васильевич. – Я сам видел.

– А я при чем? – спросили в трубке с издевкой. – Звони во «Времечко». Может, прославишься...

– Юр, ты не понял, – сказал Евгений Васильевич терпеливо. – Того, понимаешь? *Того* врача.

Юра соображал непривычно долго.

– Ага, – сказал он наконец. – А ты откуда знаешь?

– Я его труп видел, – впадая в тоску от воспоминаний, сказал Евгений Васильевич. – Я у Лильки ночевал, ну и вышел рано, а тут дедок какой-то навстречу. Труп, говорит, в кустах. Я пошел посмотреть, ну и...

– Ага, – опять повторил Юра. – Точно он?

– Да точно, точно, – заверил его Евгений Васильевич. – Я бы не перепутал. Он мне теперь до гроба сниться будет...

– Переживешь, – сказал Юра неожиданно жестко. – Надо же, как это... Это все прояснить надо. А с ментами ты разговаривал?

– Нет, что ты! – как-то чересчур поспешно возмутился Евгений Васильевич. – Я посмотрел на него и ушел. Пытался тебе дозвониться и Борису...

– То есть просто так взял и ушел? – перебил его Юра, и Евгений Васильевич понял, что буря в пустыне, которую он устроил секретарше, это ничто, нежное дуновение по сравнению с тем, что ему сейчас устроит Юрий Петрович.

Этого он и боялся.

– Да ты что, не понимаешь, скотина, что они тебя искать будут?! Какого х... ты оттуда смылся, не дожидаясь ментов? Ведь ты смылся?! Да если это *тот* врач и ты со страху ничего не перепутал, ты хоть понимаешь, что это может означать?!

– Что? – спросил Евгений Васильевич тупо.

– Ну вот что, – как бы внезапно обессилев, проговорил Юрий Петрович угрожающе тихо. – Никуда не звони, никуда не ходи, скажи своей шлюхе, что заболел, и срочно приезжай. Понял? Ты понял или нет?!

– Понял, – упавшим голосом сказал Евгений Васильевич. И подтвердил в смолкшую трубку: – Понял...

– Он ушел с Ники около двенадцати. Я была в душе. Слышала, как хлопнула дверь. Он ушел и больше не вернулся.

Ее сильно трясло, и она постоянно курила. И каждую сигарету запивала остро пахнущим лекарством.

Андрей отчаянно ей сочувствовал, несмотря на то, что все в нем восставало против такого сочувствия.

Ты должен просто работать. Работать, как всегда. Ты хорошо умеешь это делать, а ей уже никто никогда и ничем не поможет. Всю оставшуюся жизнь ей предстоит прожить *с этим*.

– Может, кофе? – спросила она, и Андрею показалось, что она говорит сквозь стиснутые зубы.

– Да, если можно, – согласился он, понимая, что ей все время нужно чем-то заниматься, чтобы не сойти с ума.

Он был у нее в квартире уже больше часа, и за все это время она ни разу не заплакала. В соседней комнате рыдала навзрыд какая-то женщина средних лет, и она, заглянув туда, сказала ей строго:

– Возьмите себя в руки, Татьяна Павловна.

Непрерывно звонил телефон, в дверь входили и выходили оперативники. Димка разговаривал с консьержкой, Игорь с Олей пошли по соседям.

Она ничего не замечала.

Андрею было страшно наедине с ней.

Утром, на задержании, ему совсем не было страшно.

Она с грохотом уронила веселую фарфоровую турку с цветочками. Турка разбилась, кофе рассыпался по чистому полу. Она посмотрела на осколки и коричневую пыль, запорошившую пол, и достала из шкафа другую турку. Медную.

– Может, бог с ним, с кофе? – спросил Андрей осторожно.

– Нет-нет, – отозвалась она. – Я сварю.

Кухня, в которой они разговаривали, тоже была веселой и в цветочках. Как турка. Здесь было уютно, светло, просторно и чувствовалось, что в этом доме живет семья. Именно живет,

а не собирается вечером или в выходные, чтобы заночевать или провести время, свободное от делания денег.

Квартира была огромной и дорогой. Ее хозяин явно процветал и в деньгах не нуждался. И оформлял ее дизайнер-профессионал, и стул, на котором сидел Андрей, явно стоил больше, чем он зарабатывал в месяц.

И все же она не была похожа на десятки других огромных и дорогих квартир, в которых перебивал Андрей за время своей работы.

Игрушки были разбросаны на полу в гостиной. Из открытой пасти видеоманитофона торчала кассета с надписью «Малыш и Карлсон». Белая кожа громадного кресла была кое-где порвана на подлокотниках. Очевидно, пес прыгал на подлокотники или грыз их. На стенах вместо обязательной модной дорогостоящей мурлы висели детские рисунки в тонких деревянных рамках. Под одним из них название: «Корова и ее щенята на лугу». Название было даже больше самой картины, и написано очень разборчиво, хотя и немного коряво.

Пепельница, полная окурков. Очевидно, она курила всю ночь, пытаясь разыскать мужа и уже понимая, что произошло именно то самое худшее, о чем страшно даже подумать.

Всевозможная детская и взрослая обувь свалена под вешалкой в огромную кучу, и рядом, очевидно не вытертые со вчерашнего дня, отпечатки собачьих лап.

В этом доме жили. Растили детей, ссорились, смеялись и любили друг друга. Принимали гостей. По выходным готовили что-нибудь вкусненькое. Читали книжки, лежа на ковре рядом с собакой, и ленились убирать на место обувь.

И ничего этого больше не будет. Никогда.

Если бы я тогда дослушал бывшую жену, он был бы сейчас жив. И эта чужая, с белым и пустым лицом, женщина не варила бы кофе, повернувшись ко всему миру натянутой до предела спиной и пытаясь хоть одну секунду отдохнуть от того, что обрушилось на нее так внезапно.

– Вы знаете, – сказала она, не поворачиваясь, – Сережка всегда говорил мне, что он непременно должен умереть раньше меня. – От воспоминаний у нее вдруг изменился голос, стал даже какой-то веселый. – Тебе, говорит, все равно, конечно, а я один ни за что не останусь.

Она мельком взглянула на Андрея и понесла к столу полную турку. У нее было совсем больное лицо и сухо горящие глаза.

– Вы представляете? Мы собирались в отпуск. Он вчера приехал и сказал, что на днях мы уезжаем. – Она присела к столу, держа турку обеими руками. – Он терпеть не может осень, всегда старается уехать, когда она начинается. Он вообще у нас такой... теплолюбивое растение.

Ее нужно отвлечь. Вызвать врача, чтобы он уколол ей успокоительное. Заставить лечь. Позвонить родителям. Купить бутылку водки и стоять над ней, пока она не выпьет ее до дна.

– Ирина Николаевна, – Андрей поднялся и взял у нее из рук турку. Она даже не заметила этого. Поискав на полках, он поставил на стол две чашки и разлил кофе. Она не шелохнулась. Она не помнила, что в кухне, кроме нее, был кто-то чужой. Последовательно открывая все шкафы и ящики, он нашел наконец коробку с лекарствами и накапал еще валокордина. – Выпейте, пожалуйста.

Она залпом выпила и опять замерла, сгорбившись на своем стуле. Лучше бы билась в истерику.

– Он же великий врач, – вдруг сказала она удивленно. – Разве можно было просто так убить такого врача? Дело не в том, что я его жена, и поэтому мне кажется, что он гениальный. Дело в том, что он на самом деле и был гениальным... Разве таких убивают?

Убивают всяких. Даже таких, как Сергей Мерцалов, – благополучных, любимых, талантливых. Всяких.

И майор Ларионов для того и существует, чтобы убийц искать. Больше он ни за каким хреном никому не нужен.

– Ирина Николаевна, кого он опасался в последнее время, ваш муж? Почему нервничал? О какой слежке он вам говорил?

Она встrepенулась и впервые за все время посмотрела на Андрея и *увидела* его.

– Да-да, – сказала она растерянно. – Как же я забыла... Про Ники рассказала и про отпуск, а самое главное забыла... Да, он несколько раз замечал, что два каких-то человека постоянно сопровождают его на работу и с работы. На прошлой неделе мы ходили в какой-то кабак... Постойте, кажется, в «Эльдорадо», что ли... – Она прикрыла глаза. – Мы были в театре, а мальчишки остались у свекрови со свекром, и мы решили кутить... Он даже показал мне одного из тех двоих, ну и он ничем не отличался от обыкновенного прохожего, который просто идет мимо ресторана... Сережка сказал, что около дома мы его тоже непременно увидим, но около дома никого не было. Я, конечно, сказала ему, что у него мания величия, а он рассердился страшно и велел мне заткнуться. Он, знаете, любит, когда мы играем в грозного главу семьи, которого все боятся. Но постойте, – вдруг прервала она себя и сдвинула брови, словно пытаюсь сфокусировать расплывающийся взгляд. – Откуда вы знаете, что за ним следили? Он никому об этом не рассказывал, и я говорила только одной своей знакомой, у которой муж в уголовном розыске. Но он оказался бывшим, этот муж, и ничем нам не помог... Так откуда вы знаете?!

Андрей вытащил сигарету из пачки и закурил:

– Я этот бывший муж, – сказал он. – Я ничем вам не помог.

– Что? – переспросила Ирина Мерцалова. – Что вы сказали?

Он затаился и ничего не ответил.

И тогда она бросилась на него.

– Ну смотри! Да вот же он, справа! Да не слева, а справа! Ты совсем не туда смотришь, Танька!

– Да где?!

– У тебя на бороде! Вон под деревом стоит.

– Ну и что? Стоит, и пусть себе стоит. Может, ему надо?

– Он не просто так стоит, – сказал Клавдия значительно. – Он стоит по мою душу. Он за мной следит.

Танька посмотрела на нее в изумлении, а потом, решив, что это, очевидно, просто идиотская шутка, плюнула с досады и сказала сердито:

– Ну тебя к аллаху, Ковалева! Я думала, у тебя и вправду что стряслось, а ты...

– И вправду стряслось. Он стоит здесь с утра. И когда я приеду домой, он будет стоять около моего подъезда. А завтра они поменяются, и на работу меня проводит второй. Тань, я не шучу...

– О господи Иисусе, – сказала Танька и присела на подоконник, глядя на Клавдию во все глаза. – Ты что, серьезно? А когда ты это... заметила?

– В субботу. – Клавдия повернулась спиной к залитому дождем окошку. – У вас на даче. Когда мы уезжали и я уже сидела в машине, а все семейство толпилось у ворот, я обратила на него внимание. Он стоял на мосточке и курил. И я вспомнила, что видела его раньше, сначала в Москве, а потом в электричке. Он мне в ухо сопел.

– И ты прямо так взяла и вспомнила? – спросила Таня недоверчиво.

Клавдия раздраженно почесала за ухом. Изящная докторская шапочка, на которой настаивала заведующая, всегда натирала ей кожу. Шапки Клавдия носить не могла.

– Да сними ты ее! – сочувственно сказала Таня, но Клавдия старалась ее не снимать. Боялась заведующую.

– Взяла и вспомнила! – сказала она уверенно. – У меня на лица очень хорошая память, и я всегда все вокруг замечала, даже когда маленькая была. Тань, я тебе точно говорю, что они за мной ходят. Я даже спала плохо.

– Со страху? – уточнила Таня.

В слезку она не очень верила. В конце концов, она работала в банке и была уверена, что знает о жизни все.

Слежка, да еще сколько-нибудь продолжительная и профессиональная, – удовольствие не из дешевых. Вряд ли какой-то тайный поклонник ее подруги решился вогнать себя в такие расходы для того, чтобы с точностью до секунды знать, во сколько она ушла с работы, и с точностью до грамма – вес куска вареной колбасы, который она купила в гастрономе на ужин. Да и поклонников никаких не наблюдалось, ни бедных, ни богатых.

Если бы ее брат не был таким тупым, возможно, что поклонники бы не понадобились.

«Я гениальный сыщик. Мне помощь не нужна. Найду я даже прыщик на теле у слона!» – так они пели когда-то у него на дне рождения.

Сколько лет назад это было? Пять? Семь?

Тридцать ему исполнялось, вот когда это было. Ему исполнялось тридцать, он получил капитана и собирался жениться. Они тогда слегка подпили, и Клавдия ночевала у Тани с Павловым. Ночью Таня встала, разбуженная странными звуками, доносившимися из района санузла, – что-то среднее между прокачкой труб и плачем Ярославны. В ванной она обнаружила свою лучшую подругу, наревевшуюся до икоты, красную, страшную и очень несчастную.

«Идиот!» – подумала она о брате и заставила себя сосредоточиться.

Оказывается, Клавдия развернула целую теорию о том, что эта слежка – какая-то ошибка и что она, в общем, совсем не боится, но вчера хотела позвонить Андрею.

На этом месте она покраснела и отвернулась. Таня, единственная из всех Ларионовых посвященная в ее страшную тайну, смотрела на нее с сочувствием.

– Ну и позвонила бы, – сказала она, пока Клавдия делала вид, что устраняет какой-то беспорядок на подоконнике. – Подумаешь, дел-то, Андрюхе позвонить! Мне-то ты моментально позвонила.

Клавдия и вправду позвонила Тане незадолго до обеденного перерыва. Ей нужно было срочно с кем-то поделиться. Она не могла и дальше поминутно выглядывать в окно и поминутно убеждаться, что ее соглядатай на месте и вовсе не думает исчезать. Таня работала довольно близко, на Большой Никитской, и приехала без промедления.

– Как ты думаешь, что им может быть нужно? – спросила она Клавдию.

– Ну, я думаю, что нет никакой надежды на то, что они хотят отнять у меня «единственное богатство бедной девушки», – усмехнувшись, сказала Клавдия. – Так что это явно какая-то ошибка. Тань, может, мне пойти и сказать ему, что это не я? То есть я, конечно, но совсем не тот объект, который ему нужен.

– Ну да! – дернула головой Таня. – А он скажет тебе, что он маньяк-убийца, и пырнет тебя ножом.

– О господи, – пробормотала Клавдия, которой такая перспектива показалась удручающей, – зачем меня ножом, а? У меня нет ничего. А все, что есть, я могу и так отдать. Невелика потеря. А, Тань?

– Я ж тебе говорю – потому что он маньяк, – сказала Танька нетерпеливо.

– Маньяки не работают в паре, – успокаивая себя, заметила Клавдия и опять выглянула в окно.

Таня раздраженно проследила за ее взглядом. Похоже, подруга всерьез решила, что это следят именно за ней. Фантазерка. Но у нее ведь и вправду всегда была очень хорошая зрительная память.

– Клавка, может, у тебя в доме клад? – развеселившись, сказала вдруг Таня. – Сундук с сокровищами под полом. Или в стене.

– В «хрущевской» квартире пол и потолок совмещенные, – напомнила Клавдия. – Под моим полом не может быть никаких сундуков, там только соседи помещаются.

– Да, – задумчиво проговорила Таня, – «хрущевка» – это тебе не старинный замок...

– Да, – согласилась Клавдия. – Не замок.

– Андрюхе, конечно, можно позвонить... – все так же задумчиво продолжала Таня, – но, боюсь, без толку.

– Я даже знаю, что он скажет, – подхватила Клавдия и улыбнулась. – Он мне уже сказал в машине, что у меня галлюцинации.

– А ты с ним сразу подозрениями поделилась? Не утерпела? – съязвила Таня.

Клавдия кивнула.

– Ну, теперь он нас точно слушать не будет! – уверенно сказала Таня. – Я же его знаю, как себя. Даже лучше.

– Клава, машина сейчас придет из «Протека», – заглянув в кухоньку, сказала заведующая. – Поможешь девушкам?

Она увидела Таню и кивнула приветливо:

– Здрасьте!

– Добрый день, – поздоровалась Таня и стала подниматься с узенького стульчика, потому что Клавдия при виде начальницы подобралась, как хорошая лошадь перед прыжком, вытянулась, распрямилась, и в глазах у нее, как показалось Тане, моментально загорелся глубокий рабочий энтузиазм.

– Да вы разговаривайте, разговаривайте! – крикнула заведующая уже из коридора. Очевидно, и она заметила моментальную готовность своей работницы приступить к свершению трудовых подвигов. – Никакой срочности нет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.